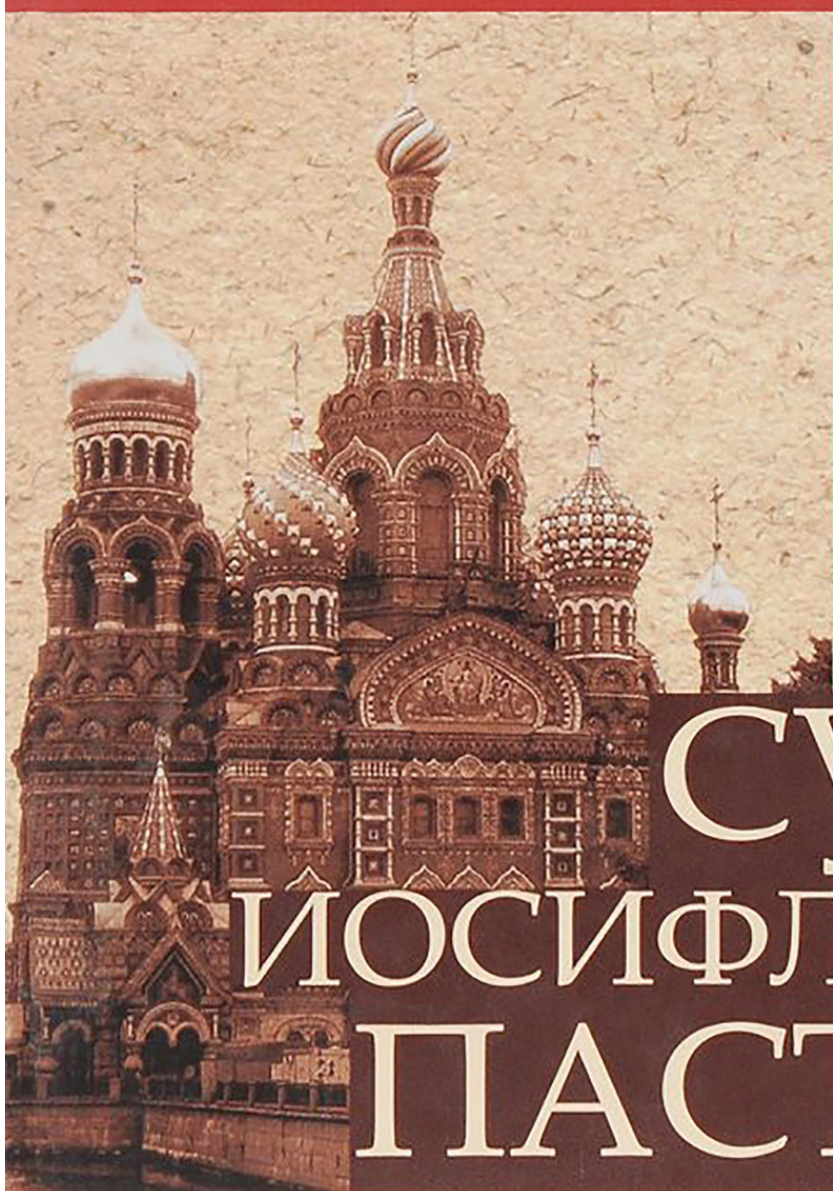

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ В XX СТОЛЕТИИ
документы, воспоминания, свидетельства

Михаил Шкаровский

СУДЬБЫ
ИОСИФЛЯНСКИХ
ПАСТЫРЕЙ

Михаил Шкаровский
Судьбы иосифлянских пастырей

Православное издательство "Сатисъ"

2006

Шкаровский М. В.

Судьбы иосифлянских пастырей / М. В. Шкаровский —
Православное издательство "Сатись", 2006

ISBN 5-7868-0076-8

Значительную часть XX века Русская Православная Церковь подвергалась ожесточенным гонениям со стороны безбожных властей, породив целый сонм мужественно стоявших за веру Христову исповедников. Книга посвящена истории одной из самых значительных форм церковного сопротивления – иосифлянскому движению, получившему свое название по имени митрополита Петроградского Иосифа (Петровых). В ней описываются, прежде всего, судьбы руководителей и основных участников движения, многие из которых уже прославлены в лике святых как Новомученики и Исповедники Российские. Книга подготовлена на основе большого комплекса ранее не известных архивных документов и личных воспоминаний.

ISBN 5-7868-0076-8

© Шкаровский М. В., 2006
© Православное издательство
"Сатись", 2006

Содержание

Предисловие	6
Обзор истории иосифлянского движения	9
Митрополит Петроградский Иосиф (Петровых)	20
Архиепископ Гдовский Димитрий (Любимов)	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Михаил Шкаровский

Судьбы иосифлянских пастырей

По благословению

Митрополита Санкт-Петербургского и Ладозского ВЛАДИМИРА

Предисловие

Отличительными особенностями истории Русской Православной Церкви в XX веке прежде всего были ожесточенные гонения со стороны безбожных властей и мужественное стояние за веру Христову целого сонма новомучеников и исповедников. Несмотря на появление в последнее десятилетие значительного количества посвященных этим сюжетам работ, интерес российской общественности к основным переломным моментам истории Церкви в советский период не спадает. К таким важнейшим вехам относятся события, связанные с публикацией «Декларации 1927 г.» Временного Патриаршего Священного Синода и Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) о лояльности советской власти, а также последовавшими затем разделениями в Русской Православной Церкви. Наиболее значительной из возникших тогда форм церковного сопротивления и стало движение, получившее свое название по имени митрополита Иосифа (Петровых).

Представленная на суд читателей книга в определенной степени является продолжением опубликованной в 1999 г. монографии автора, посвященной истории иосифлянского движения в 1927-1960-х гг.¹ Новая работа в отличие от предыдущей решена в ином ключе, она представляет собой не последовательное изложение истории движения, а отдельные биографические очерки о целом ряде его руководителей и наиболее значительных представителей. Дополняет книгу публикация недавно выявленных, как правило, не публиковавшихся ранее и неизвестных научной общественности, документов. Кроме того, в работе приведен примерный (пока еще очень неполный) список иосифлянских храмов.

Со времени выхода первой книги в оценке иосифлянского движения со стороны Московской Патриархии произошли значительные изменения. В течение нескольких последних лет, прежде всего на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 г., были прославлены в лике святых несколько десятков иосифлян, в том числе такие известные, как епископ Виктор (Островидов), протоиереи Викторин Добронравов, Иоанн Стеблин-Каменский, профессор М.А. Новоселов, иеромонахи Серафим (Загоровский), Гавриил (Владимиров) и многие другие.

Изменилась и доминировавшая ранее оценка так называемых «непоминающих» (за богослужением митрополита Сергия и советские власти) как раскольников, отпавших от церковного единства². В материалах Архиерейского Собора 2000 г. говорится, что «нельзя ставить в один ряд обновленческую схизму, приобретшую характер откровенного раскола в 1922 г., с одной стороны, и “правую оппозицию”, то есть тех, кто по тем или иным причинам не согласился с церковной политикой митрополита Сергия – с другой»³.

Основанием для такого решения являлось то, что в действиях «непоминающих» «нельзя обнаружить злонамеренных, исключительно личных мотивов. Их действия обусловлены были по-своему понимаемой заботой о благе Церкви». Прекратив молитвенно-каноническое общение с митрополитом Сергием и единомышленным с ним духовенством, представители «правой оппозиции» продолжали поминать и считать главой Московской Патриархии Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского), и поэтому они могут считаться членами Церкви, а не раскольниками, и их причисление к лику святых вполне возможно⁴.

---

¹ Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999.

² См.: Митр. Иоанн (Снычев). Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия – Григорианский, Ярославский, Иосифлянский, Викторинский и другие, их особенности и история. Сортавала, 1993; Стратонов И.А. Русская церковная смута 1921–1931 // Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995.

³ Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. Сборник докладов и документов. СПб., 2000. С. 43.

⁴ Там же. С. 44.

Свидетельством постоянного интереса к истории различных течений «непоминающих», в том числе иосифлян, стало большое количество опубликованной в конце 1990–2000-х гг. посвященной им литературы, использованной при подготовке данной работы. При этом наибольший научный интерес представляет целая серия статей и документальных публикаций диакона А. Мазырина, О. Косик и О. Ефремовой в сборниках Свято-Тихоновского Православного гуманитарного университета (ранее Богословского института)⁵. Далее следует отметить многочисленные статьи петербургского церковного историка В.В. Антонова⁶ и ряд тематических номеров издаваемого Зарубежной Русской Церковью журнала «Православная жизнь»: о епископе Нектарии (Трезвинском), архиепископе Феодоре (Поздеевском), архимандрите Клименте (Жеретиенко), о Катакомбной Церкви на земле Российской и др.⁷

Из вышедших отдельными изданиями книг (в основном биографического характера) особенный интерес представляют труды П.Г. Проценко, А.В. Журавского, игумена Дамаскина (Орловского), протоиерея Николая Доненко, С.Б. Шоломовой, И. Румянцевой, С. Кудряшова и ряд других⁸. Однако во всех этих изданиях, как правило, говорится лишь об одном-двух представителях «непоминающих» и почти не публикуются архивные документы.

Автор данной работы стремился проследить судьбы нескольких десятков иосифлян в различных регионах страны (последний из этих священнослужителей, отец Михаил Рождественский скончался в 1988 г.). Восемь биографических очерков посвящены архиереям, шесть – представителям белого духовенства и пять – монашествующим. Основной Источниковой базой книги послужили изученные в последние годы, новые в научном плане материалы Центрального государственного архива общественных организаций Украины, Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Государственного архива Республики Марий Эл, Государственного архива Российской Федерации, Синодального архива Зарубежной Русской Православной Церкви в Нью-Йорке, Архива Свято-Троицкой Духовной семинарии в Джорданвилле, Архива Санкт-Петербургской епархии Русской Православной Церкви и также десятки

⁵ «Я иду только за Христом...» Митрополит Иосиф (Петровых), 1930 год / Публ. А. Мазырина // Богословский сборник ПТСБИ. 2002. № 9. С. 376–424; «Сов. секретно. Срочно. Лично. Тов. Тучкову» и не только ему. Донесения из Ленинграда в Москву, 1928–1930 годы / Публ. А. Мазырина // Богословский сборник ПТСБИ. 2002. № 10. С. 362–385, 2003. № 11. С. 330–367; О Церкви и государстве: материалы полемики конца 1920 х годов / Публ. А. Мазырина // Богословский сборник ПТСБИ. № 10. С. 337–361; Мазырин А. Вопрос о взаимоотношениях священномученика митрополита Петра (Полянского) с «правой» церковной оппозицией и митрополитом Сергием (Страгородским) // Богословский сборник ПТСБИ. № 10. С. 386–431; Его же. Священномученик митрополит Кирилл (Смирнов) как глава церковной оппозиции. Круг его ближайших последователей // Богословский сборник ПТСБИ. № 11. С. 368–424, 2003. № 12. С. 224–279; «Совершается суд Божий над Церковью и народом русским...» Архивные материалы к житию священномученика Дамаскина (Цедрика), епископа Стародубского (1877–1937) / Публ. О. Косик // Богословский сборник ПТСБИ. № 9. С. 336–375, № 10. С. 432–470, № 12. С. 280–301; Косик О. «Послание ко всей Церкви» священномученика Серафима Угличского от 20 января 1929 г. // Богословский сборник ПТСБИ. № 11. С. 302–329; Переписка митрополита Иосифа (Петровых) с митрополитом Арсением (Стадницким) / Публ. О. Ефремовой // Богословский сборник ПТСБИ. № 10. С. 295–319.

⁶ Антонов В.В. Петроградские священномученики протоиерей Сергей Тихомиров и отец Николай Прозоров // Возвращение. 1996. № 1 (9). С. 17–21; Его же. О жизни священномученика Алексия (Буя) // Русский пастырь. 1997. № 2–3 (28–29). С. 191–194; Его же. Три письма священномученика Нектария // Русский пастырь. 1998. № 1 (30). С. 93–100; Его же. Еще раз о священномученике Сергии (Дружинине) // Православная жизнь. 1998. № 2. С. 18–23 и др.

⁷ Новомученик Нектарий (Трезвинский), епископ Яранский // Православная жизнь. 1997. № 2; Потаенная Россия // Православная жизнь. 1997. № 1; Катакомбная Церковь на земле Российской // Православная жизнь. 2002. № 10, 11 и др.

⁸ Проценко П.Г. Биография епископа Варнавы (Беляева). В Небесный Иерусалим. История одного побега. Нижний Новгород, 1999; Мирносоицы в эпоху ГУЛАГа. Сборник. Сост. и коммент. П.Г. Проценко. Нижний Новгород, 2004; Журавский А.В. Во имя правды и достоинства Церкви. Житие священномученика Кирилла (Казанского). М., 2004; Игум. Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 3 7. Тверь, 1999–2002; Прот. Николай Доненко. Наследники царства. Симферополь, 2000; Житие священномученика Прокопия, архиепископа Херсонского. Сост. прот. Николай Доненко. Люберцы, 2000; Шоломова С.Б. Харьковский Серафим. Харьков, 2003; Румянцев И., Кудряшов С. Сокровенный сердца человек. Жизнь и труды священномученика Серафима (Звездинского). СПб., 2002; Умолкнувшие колокола. Новомученики Российские. Жизнеописания. М., 2002 и др.

архивно-следственных дел в региональных архивах Управлений Федеральной службы безопасности Российской Федерации: по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, по Новгородской области, Псковской области, Тверской области и некоторых других.

В первой части дан вводный раздел с кратким изложением общей истории иосифлянского движения. В книге приведены жизнеописания лишь малой части «истинно-православных» священнослужителей и мирян, большинство из которых приняло мученическую кончину в лагерях, тюрьмах или местах массового расстрела, таких как Левашовская пустошь и Бутовский полигон. Поэтому работа по сбору и публикации новых материалов будет продолжена.

Благодарю за оказанную в работе помощь А. Псарева, О.И. Ходаковскую и М.С. Сахарова.

Обзор истории иосифлянского движения

К весне 1927 г. Русская Православная Церковь оказалась в сложном положении. Проводимая властями политика ликвидации ее единого центра (существование которого формально не признавалось) была близка к успеху. После смерти Патриарха Тихона в Церкви нарастали центробежные тенденции. Постоянные аресты иерархов, которые могли возглавить Высшее Церковное Управление, мешали создать стабильный канонический центр. Число Патриарших Местоблюстителей и их Заместителей достигло 13, причем 12 из них находились в ссылке или заключении, а последний – архиепископ Угличский Серафим (Самойлович) оказался настолько малоизвестен, что часть епархий даже не знала о его существовании.

Митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский), один из Заместителей Патриаршего Местоблюстителя, находясь в заключении, пошел на переговоры с ОГПУ. Под угрозой ликвидации всей иерархии Патриаршей Церкви он согласился выполнить основные требования властей. Митрополит Сергей избрал сотрудничество с властями после долгих колебаний и попыток найти наиболее выгодный для Церкви путь ради сохранения преемственности «законного» Православия.

Так же как и в стране, обстановка в Ленинградской епархии не отличалась стабильностью. С осени 1926 г. в северной столице возникло движение сторонников высланного из города митрополита Иосифа (Петровых), требовавших от властей возвращения Владыки в его епархию⁹. Обладая значительным авторитетом и решительным характером, митрополит Иосиф продолжал управлять епархией через своих викариев.

Важнейшие события произошли весной и летом 1927 г. митр. Сергей был освобожден 27 марта, а 7 апреля архиеп. Серафим передал ему свои местоблюстительские полномочия. Ставший Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, митр. Сергей 10 мая послал в НКВД ходатайство и, получив разрешение на управление Церковью, 18 мая созвал в Москве совещание епископов, на котором выступил с проектом Временного Патриаршего Священного Синода. 20 мая митр. Сергей получил сообщение из НКВД о том, что «препятствий к деятельности этого органа впредь до утверждения его не встречается». Официальное заседание Синода состоялось 25 мая, в тот же день по епархиям было разослано постановление, в котором правящим архиереям предлагалось организовать при себе Епархиальные советы и зарегистрировать их в местных органах власти. Так было положено начало работе по созданию всей церковно-административной структуры Московской Патриархии на законных основаниях¹⁰.

29 июля митр. Сергей совместно с членами Синода выпустил «Послание к пастырям и пастве» (Декларация 1927 г.), в котором говорилось: «Нам нужно не на словах, а на деле доказать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть Православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи»¹¹.

В научной литературе можно встретить утверждение, что именно Декларация послужила одной из основных причин массового недовольства духовенства и верующих. Однако этот текст существенно не отличался от аналогичных посланий Патриарха Тихона 1923–1925 гг.

---

⁹ Русская Православная Церковь 988-1988. Выпуск 2. М., 1988. С. 40; Мещерский Н.А. На старости я сызнова живу: прошедшее проходит предо мною... Л., 1982. Рукопись. С. 1, 30.

¹⁰ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917–1945. Париж, 1977. С. 414–417.

¹¹ Известия. 1927. 19 августа.

Декларация митр. Сергия, составленная на высочайшем уровне церковной дипломатии, выглядела сверхлояльной, но фактически не несла почти ничего принципиально нового. Если бы уступки властям ограничились изданием Декларации, оппозиция митр. Сергию, вероятно, была бы не столь значительной, хотя несогласие с текстом этого документа возникло сразу же после публикации. Так, в сентябрьском послании с Соловков заключенных архиереев говорилось: «Мысль о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена в такой категорической и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетения Церкви и государства»¹².

Недовольство посланием митр. Сергия проявилось и в одной из важнейших епархий страны – Ленинградской. В середине августа викарный епископ Гдовский Димитрий (Любимов), прот. Александр Советов, схимон. Анастасия (Куликова) и другие клирики отправили высланному в Моденский монастырь Новгородской губернии митр. Иосифу послание с выражением своего несогласия с политикой Заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

Вероятно, по настоянию ОГПУ 13 сентября 1927 г. митр. Сергей и Синод приняли постановление о переводе Ленинградского Владыки на Одесскую кафедру. Однако 28 сентября митр. Иосиф написал об отказе подчиниться указу. Это решение было во многом вызвано влиянием его ленинградских сторонников, занявших непримиримую позицию. Ситуацию обострил указ Сергия от 21 октября о поминовании властей по формуле: «О богохранимой стране нашей, о властях и воинстве ея, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте»¹³ и об отмене поминования епархиальных архиереев, находящихся в ссылке. Теперь уже не только сторонники митр. Иосифа, но и ряд других епископов стали выражать сомнения в правильности выбранной митр. Сергием линии.

Основной причиной недовольства явилось то, что Заместитель Патриаршего Местоблюстителя допустил вмешательство гражданских властей в кадровую политику: проведение епископских хиротоний с согласия государственных органов, перемещение архиереев по политическим мотивам (за несколько месяцев было перемещено около сорока архиереев), замещение кафедр осужденных епископов и т. п. Вскоре, ввиду серьезности положения, митр. Сергей взял на себя временное управление Ленинградской епархией, что, вероятно, могло бы ослабить нарастающий в городе конфликт¹⁴. Однако ОГПУ явно недооценило масштабы возможного сопротивления просоветской церковной политике митр. Сергия, и он не получил разрешения властей на проезд в Ленинград.

Уже в ноябре некоторые приходы северной столицы перестали поминать за богослужением имя митр. Сергия, перестали приглашать временно управлявшего от его имени епархией епископа Петергофского Николая (Ярушевича) как сторонника Сергиевской политики и выделять денежные средства на содержание епархиального руководства. «Многие из тех пастырей, которые в годы борьбы с обновленчеством показали себя стойкими борцами за чистоту Православия, выступили теперь против митр. Сергия». В его политике «они видели прямое искажение чистоты Православия и порабощение Церкви государством». По мнению митр. Иоанна (Снычева), Патриарший Синод совершил серьезную тактическую ошибку, слишком поспешно проводя новую церковную политику, без учета подготовленности к ней верующих¹⁵.

Группа духовенства и мирян Ленинграда, в надежде предотвратить надвигавшееся разделение и заставить митр. Сергия изменить избранный им курс, отослала в начале декабря специальное обращение, составленное настоятелем кафедрального собора Воскресения Христова прот. Василием Верюжским: «1. Отказаться от намечающегося курса порабощения Церкви

---

¹² Регельсон Л. Указ. соч. С. 436.

¹³ Иоанн (Снычев), митр. Расколы// Христианское чтение. 1991. № 6. С. 19.

¹⁴ Краснов Левитин А. Лихие годы. 1925–1941. Париж, 1977. С. 97; Центральный государственный архив Санкт Петербурга (ЦГА СПб.), ф. 7384, оп. 33, д. 321, л. 159.

¹⁵ Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 19.

государству. 2. Отказаться от перемещений и назначений епископов помимо согласия на то паствы и самих перемещаемых и назначаемых епископов. 3. Поставить Временный Патриарший Синод на то место, которое было определено ему при самом его учреждении в смысле совещательного органа, и чтобы распоряжения исходили только от имени Заместителя. 4. Удалить из состава Синода пререкаемых лиц. 5. При организации Епархиальных управлений должны быть всемерно охраняемы устои Православной Церкви, каноны, постановления Поместного Собора 1917–1918 гг. и авторитет епископата. 6. Возвратить на Ленинградскую кафедру митр. Иосифа (Петровых). 7. Отменить возношение имени Заместителя. 8. Отменить распоряжение об устранении из богослужений молений о ссыльных епископах и о возношении молений за гражданскую власть»¹⁶.

Согласно протоколам допросов о. Василия Верюжского (от 20 апреля и 8 мая 1931 г.), важной вехой в организационном оформлении иосифлян стало собрание 24 ноября 1927 г. на квартире прот. Феодора Андреева. На нем, кроме хозяина, присутствовали еп. Димитрий (Любимов), прот. Василий Верюжский, приехавший из Москвы профессор М.А. Новоселов и настоятель Киево-Печерской Лавры архим. Ермоген (Голубев). Было решено написать несколько обращений к Заместителю Местоблюстителя.

Еще до получения ответа на обращение о. Василия, 12 декабря, делегация представителей ленинградского духовенства и мирян, в которую вошли еп. Димитрий (Любимов), прот. Викторин Добронравов, миряне И.М. Андреевский и С.А. Алексеев (Аскольдов), передала митр. Сергию еще три протестных послания. Одно из них, от имени ученых Академии наук и профессуры ленинградских вузов, было написано профессором Военно-юридической академии С.С. Абрамовичем-Барановским, второе подписали шесть архиереев: архиепископ Гавриил (Воеводин) и епископы Димитрий (Любимов), Сергей (Дружинин), Григорий (Лебедев), Стефан (Вех), Серафим (Протопопов). В числе этих посланий было письмо группы священников и мирян от 9-11 декабря 1927 г., составленное магистром богословия прот. Феодором Андреевым. Митр. Сергей принял делегацию и вступил с ней в острую дискуссию, в которой отверг все просьбы и пожелания о перемене церковного курса.

14 декабря Заместитель Местоблюстителя вручил одному из членов делегации свой отзыв на обращение о. Василия Верюжского, в котором писал, «что отпадение в раскол отдельной части церковного организма будет менее болезненным для Церкви, чем раздробление всего организма Русской Православной Церкви вследствие ее нелегального положения в советском государстве»¹⁷.

После возвращения делегации в Ленинград епископ Гдовский Димитрий и епископ Нарвский Сергей, взяв на себя инициативу, подписали акт отхода от митр. Сергия (13/26 декабря). Акт об отделении был зачитан в кафедральном храме Воскресения Христова: «... Не по гордости, да не будет сего, но ради мира совести, отрицаемся мы лица и дел бывшего нашего предстоятеля, незаконно и безмерно превысившего свои права и внесшего великое смущение... Посему, оставаясь, по милости Божией, во всем послушными чадами Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, сохраняя апостольское преемство чрез Патриаршего Местоблюстителя Петра, Митрополита Крутицкого, и имея благословение нашего законного Епархиального Митрополита, мы прекращаем каноническое общение с Митрополитом Сергием и со всеми, кого он возглавляет: и впредь до суда “совершенного собора местности”, т. е. с участием всех православных епископов или до открытого и полного покаяния пред Святою Церковью самого

---

¹⁶ Регельсон Л. Указ. соч. С. 136, 137.

¹⁷ Андреев И.М. Делегация Ленинградской епархии у митр. Сергия в 1927 г. в Москве. Православная жизнь. 1973. № 1. С. 24; В объятиях семиглавого змия. Монреаль, 1984. С. 90.

Митрополита Сергия...» Уже в январе 1928 г. еп. Димитрий объявил митр. Сергия безблагодатным и потребовал немедленного разрыва молитвенного общения с ним¹⁸.

Иосифлянские священнослужители и миряне у храма Воскресения Христова (Спас на Крови). Лето 1929 г. Сидят (слева направо): еп. Сергей (Дружинин), архиеп. Димитрий (Любимов), прот. Василий Верюжский. Стоят (1-й ряд, в центре): прот. Никифор Стрельников, Н. Шенец, прот. Иоанн Быстряков, прот. Викторин Добронравов, архим. Клавдий (Савинский), прот. Александр Советов, протодиакон Иоанн Предтеченский. Стоят (2-й ряд): протодиакон Михаил Яковлев, свящ. Филофей Поляков, псаломщик Андрей Карцев, иподиакон Петр Сазонов, иподиакон Адриан [?]

В ответ Заместитель Местоблюстителя и Синод 30 декабря приняли постановление о запрещении в священнослужении отошедших ленинградских епископов Димитрия (Любимова) и Сергия (Дружинина), зачитанное в Никольском Богоявленском соборе еп. Николаем (Ярушевичем). С этого времени официальная Церковь стала считать неподчинившихся священнослужителей раскольниками. Решение ленинградских викариев отойти от митр. Сергия было принято самостоятельно, тем не менее до его официального провозглашения митр. Иосиф благословил готовившийся отход. Сам же Владыка оставался пребывать в молитвенно-каноническом общении с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя до февраля 1928 г.

Верность митр. Сергию сохранили лишь два ленинградских епископа: Николай (Ярушевич) и Сергей (Зенкевич). Четверо из восьми архиереев заняли двойственную позицию. Они не присоединились к оппозиции еп. Димитрия, однако, не поминали в богослужениях имени митр. Сергия. Так, наместник Александро-Невской Лавры еп. Григорий (Лебедев), пользуясь древним правом ставропигии, которое имела Лавра, никому не подчинялся и поминал лишь Патриаршего Местоблюстителя митр. Петра. Некоторое время так же поступали архиеп. Гавриил (Воеводин) и епископы Серафим (Протопопов) и Стефан (Вех).

¹⁸ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве Высшей Церковной власти 1917–1943. М., 1994. С. 565; Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 27.

Митр. Иосиф 6 февраля 1928 г. подписал акт отхода от митр. Сергия в составе Ярославской епархии. Взяв на себя руководство епархией, Владыка Иосиф пытался объединить «ярославскую группу» с ленинградскими иосифлянами, но митрополит Ярославский Агафангел решил управлять самостоятельно, без какого бы то ни было слияния с другими оппозициями, а уже 16 мая 1928 г. частично примирился с митр. Сергием.

Большое значение для судьбы иосифлянского движения имела позиция находящихся в лагерях и ссылках иерархов – и прежде всего, находившихся в заключении на Соловках. Отношение многих соловецких епископов к Декларации митр. Сергия первоначально было отрицательным. В дальнейшем их позиция изменилась. Опасения перед нарастающим расколом Церкви оказались сильнее, и, сделав ряд канонических поправок (которые митр. Сергий так и не учел), в ноябре 1927 г. на собрании 15 архиереев (из 30 находившихся в то время на Соловках) соловецкие епископы Декларацию приняли «в целом» и осудили действия еп. Димитрия (Любимова)¹⁹.

И все же иосифлянам удалось довольно быстро – к лету 1928 г. – распространить свое влияние далеко за пределы Ленинградской области – в Новгородскую, Псковскую, Тверскую, Вологодскую, Витебскую епархии. В Великоустюжской епархии часть приходов увлек за собой епископ Никольский Иерофей (Афоник), в Архангельской – епископ Каргопольский Василий (Докторов). Эти Владыки быстро установили связи с ленинградскими иосифлянами. В Московской епархии движение охватило города Коломну, Волоколамск, Клин, Загорск, Звенигород, но признанным центром стал Серпухов. В мае 1928 г. сюда был назначен иосифлянского поставления епископ Максим (Жижиленко). Семь храмов находилось в разделении в Москве. На Украине наибольших успехов иосифляне добились в Киеве, Харьковском, Сумском и Полтавском округах. К ним присоединились живший в Харькове епископ Старобельский Павел (Кратиров) и епископ Бахмутский и Донецкий Иоасаф (Попов) из г. Новомосковска²⁰. В Центрально-Черноземной области и на юге России десятки иосифлянских или, как еще их называли здесь, «буевских» приходов возглавил епископ Козловский, управляющий Воронежской епархией Алексей (Буй). Его представителем на Северном Кавказе стал епископ Майкопский Варлаам (Лазаренко). Отдельные приходы присоединились к иосифлянам на Урале, в Татарии, Башкирии, Казахстане, в городах Красноярске, Перми, Енисейске, Арзамасе, Смоленске.

Параллельно с ленинградским в декабре 1927 г. возникло самостоятельное разделение во главе с тремя епископами – Виктором (Островидовым), Иларионом (Бельским) и Нектарием (Трезвинским) в Вятской и Вотской (на территории Удмуртии) епархиях. Оно получило название «викторианского движения» и быстро объединилось с иосифлянским. В целом же волна отхода от митр. Сергия охватила меньшую часть территории страны. Согласно данным государственных органов регистрации, за Заместителем Патриаршего Местоблюстителя последовало до 70 % приходов (в 1928 г. 8–9% приходов отпали в «автокефалию» – иосифлянство, викторианство и т. п., около 5 % подчинялось григорианскому Высшему Церковному Совету и около 16 % – обновленческому Синоду)²¹. Так как в конце 1927 г. в стране имелось примерно 30 тысяч действующих православных храмов – иосифлянскими по этим, вероятно, несколько заниженным данным, являлись 2400–2700 или до 11,5 % приходов Патриаршей Церкви. Численность же иосифлянского духовенства, как белого, так и черного, составляла, по подсчетам автора, как минимум 3,5 тысячи человек.

---

¹⁹ Резникова И. Православие на Соловках. СПб., 1994. С. 27.

²⁰ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Москве и Московской области (АУФСБМО), ф. архивно следственных дел, д. 28850; Центральный государственный архив общественных организаций Украины (ЦГАООУ), ф. 263, оп. 1, д. 65744.

²¹ Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка обновленческого раскола Русской Православной Церкви. Казань, 1970. С. 335.

Положение в Ленинградской епархии было подобно общесоюзному. Хотя движение «непоминающих» в ней было значительно шире, открыто присоединились к иосифлянам, по уточненным данным, 67 приходов, в том числе 21 в Ленинграде (из примерно 100 принадлежавших в северной столице к Патриаршей Церкви). В области по несколько отделившихся от митр. Сергия храмов имелось в г. Петергофе и поселках Стрельна и Вырица, важную роль играли Феодоровский собор в Детском Селе, Свято-Троицкий Зеленецкий мужской и Старо-Ладожский Успенский женский монастыри, а также Макариевская пустынь под Любанью, насельники которой, правда, в основном разделяли взгляды катакомбников, но были тесно связаны и с ленинградскими иосифлянами. Всего, по словам самих сторонников митр. Иосифа, в епархии их поддерживало около 300 священников и монахов, а также несколько сотен монахинь. По оценке автора, их действительно могло быть в общей сложности до 500 человек. Но это была меньшая часть духовенства епархии (не более 25 % священнослужителей).

На ситуации в Ленинграде сказались многообразные меры увещания и прещения митр. Сергия, например, оглашенное в воскресное богослужение почти во всех храмах города его послание от 30 января 1928 г. «К архипастырям, пастырям и верным чадам Православной Церкви Ленинградской епархии»²². Важным фактором стали активные действия специально присланных в северную столицу сторонников митр. Сергия авторитетных архиереев – назначенного Ленинградским митрополитом Владыки Серафима (Чичагова) и епископа Серпуховского Мануила (Лемешевского). Свое воздействие, конечно, оказала и позиция государственных органов.

Иосифлянское движение с самого начала приобрело политическую антиправительственную окраску, выйдя за чисто религиозные рамки. Не без оснований некоторые исследователи считают, что «ядро идеологии иосифлянского раскола – отрицательное отношение к отечественной советской действительности, а церковно-канонические мотивы лишь внешняя оболочка»²³. В трагические годы «великого перелома» движение имело немалую, оппозиционную властям, социальную базу. Очевидцы вспоминали: «В церкви Воскресения на Крови тогда было очень много народу... Сюда хлынула масса раскулаченных... Сюда приходили все обиженные и недовольные. Митрополит Иосиф невольно стал для них знаменем»²⁴. Неслучайно одним из основных требований всех «непоминающих» было отстаивание постановления Всероссийского Поместного Собора от 15 августа 1918 г. о свободе политической деятельности членов Церкви. И государственные органы, по свидетельству архивных документов, расценивали именно иосифлян как своих главных противников среди всех религиозных течений и конфессий.

Наиболее активных участников движения из среды мирян можно условно разделить на три категории: представители ученой интеллигенции, которые по своим религиозным взглядам не могли идти на сделку с совестью; фанатично верующие люди – блаженные, юродивые, странники, провидцы и т. п.; представители социальных слоев, недовольных новым строем, именно они придавали движению политическую окраску. В иосифлянском же духовенстве имелось особенно много людей идейных, отличавшихся нравственной чистотой, широко в нем было представлено монашество. Даже еп. Мануил (Лемешевский), сторонник митр. Сергия, в проповеди 29 апреля 1928 г. в ленинградском Троицком соборе с уважением отзывался о своих противниках: «Отпали, откололись наилучшие пастыри, которые своей непорочностью в борьбе с обновленчеством стояли много выше других»²⁵.

---

²² ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 321, л. 147.

²³ Цит. по: Иоанн (Снычев), митр. Церковные расколы в Русской Церкви 20 х и 30 х годов XX столетия – григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие. Их особенность и история. Куйбышев, 1966. Рукопись. С. 5.

²⁴ Мещерский Н.А. Указ. соч. С. 10.

²⁵ Иоанн (Снычев), митр. Церковные расколы в Русской Церкви 20 х и 30 х годов XX столетия. С. 202–203.

Конечно, и в духовенстве, объединявшем противников политики митр. Сергия и советской власти, имелись самые разнообразные течения. Некоторые из самых стойких иосифлян отличались либеральными взглядами – прот. Иоанн Стеблин-Каменский, другие были убежденными монархистами – ей. Варлаам (Лазаренко). Причем монархическая тенденция постепенно усиливалась. Логика ожесточенной борьбы доводила до крайности. Неслучайно многие верующие называли собор Воскресения Христова в Ленинграде «белым храмом», в противоположность «красным» церквам.

Неоднородность состава иосифлян определяла и различие их взглядов в церковных вопросах. Большинство смотрело на митр. Сергия как на иерарха, превысившего свои полномочия и допустившего по этой причине неправильные действия, а часть видела в нем настоящего отступника от Православия, предателя и убийцу церковной свободы, общение с которым невозможно даже в том случае, если его действия признает сам Патриарший Местоблюститель. Последние говорили: «Если только митр. Петр признает законным послание митр. Сергия и вступит с ним в молитвенное общение, тогда мы прервем молитвенное общение с митр. Петром и священниками, возносящими его имя. Если и все церкви отберут от нас, тогда мы будем совершать молитвы в подвалах тайно. При гонении на веру Христову, подражая первовековым христианам, мы пойдем с радостью на костры и в тюрьмы, но не допустим добровольно, чтобы в Церкви Божией был хозяин антихрист коммунист Тучков. За свободу Церкви мы готовы умереть»²⁶.

К выразителям умеренных взглядов из руководителей движения принадлежали: сам митр. Иосиф, ей. Сергей (Дружинин), прот. Василий Верюжский; более жесткую позицию, доходившую до отрицания таинств сергиан, занимали ей. Димитрий (Любимов), прот. Феодор Андреев, свящ. Николай Прозоров и профессор М.А. Новоселов. Частично эти различия были связаны с политическими пристрастиями. Однако из определенного различия взглядов в среде иосифлян вовсе не следовало (как посчитали некоторые следователи ОГПУ), что иосифлянское движение в дальнейшем раскололось на две группировки – «левую» во главе с митрополитом Ленинградским и «правую» во главе с архиепископом Гдовским. Владыка Димитрий, пока было возможно – до осени 1929 г., поддерживал постоянную связь с жившим в ссылке в Никольском Моденском монастыре митр. Иосифом, с уважением относился к нему и старался исполнять почти все его указы.

Существует традиция называть иосифлян раскольниками. Она восходит к указу митр. Сергия и Временного Священного Синода от 6 августа 1929 г., фактически приравнявшего их к обновленцам и григорианам: «Таинства, совершенные в отделинии от единства церковного... последователями быв. Ленинградского митр. Иосифа (Петровых), быв. Гдовского епископа Димитрия (Любимова), быв. Уразовского епископа Алексия (Буй), как тоже находящихся в состоянии запрещения, также недействительны, и обращающихся из этих расколов, если последние крещены в расколе, принимать через таинство Св. Миропомазания»²⁷. Сами же иосифляне себя раскольниками никогда не считали и действительно ими не были. Все сторонники митр. Иосифа признавали главой Русской Православной Церкви пребывавшего в тюрьмах и ссылках Патриаршего Местоблюстителя митр. Петра (Полянского). Участники движения не придерживались особенных обрядов и не пытались создать самостоятельную параллельную Церковь.

Главной тактической целью иосифлян было привлечение на свою сторону большей части духовенства, прежде всего епископата, и, в конечном счете, завоевание Высшего Церковного Управления в существующей Патриаршей Церкви. Именно поэтому ленинградские архиереи вышли из области своих полномочий – обращались с архиерейскими посланиями в различ-

---

²⁶ Его же. Расколы. С. 35.

²⁷ Регельсон Л. Указ. соч. С. 168–169.

ные города с целью склонить на свою сторону духовенство и мирян, рукополагали священников и с мая 1928 г. начали совершать хиротонии тайных епископов для других епархий. Всего иосифлянами, по некоторым сведениям, было поставлено более 20 таких архиереев.

Со временем тактика иосифлян менялась. Так, на январском, 1928 г., акте отхода воронежского духовенства от митр. Сергия Владыка Иосиф написал резолюцию: «Управляйтесь сами, самостоятельно – иначе погубите и меня и себя». Аналогичные ответы разослал митрополит и другим сочувствовавшим ему архиереям, таким образом показывая, что в тот период он не желал централизации движения и брал на себя лишь идейное руководство. Но уже вскоре стало ясно, что для завоевания Высшего Церковного Управления нужна сплоченная, хорошо организованная сила. И весной 1928 г. митр. Иосиф заявлял прот. Николаю Дулову о необходимости создания какого-нибудь центра для объединения движения. В это время он даже высказывал идею о том, чтобы провозгласить себя Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, но впоследствии ей. Димитрий отговорил Владыку от подобного шага²⁸. Следует отметить существование свидетельств о заявлениях митр. Иосифа, что Патриарх Тихон еще в 1918 г. тайно назначил его своим первым Заместителем.

Весной 1928 г. иосифлянское движение оформилось организационно и идеологически. Важным этапом здесь стало майское совещание руководителей иосифлян в их «главном штабе» – на квартире прот. Феодора Андреева (Литовский, пр., д. 21а). Кроме хозяина в нем участвовали епископы Димитрий (Любимов), Алексей (Буй), влиятельный московский протоиерей Николай Дулов и проф. М.А. Новоселов. Должен был прийти и епископ Сергей (Дружинин), но он по каким-то причинам не смог. Важнейшим итогом совещания стало распределение сфер влияния. Владыка Димитрий поручил епископу Алексею управление всем югом России и Украиной, в том числе окормляемыми ранее им самим приходами, мотивируя это их удаленностью от Ленинграда²⁹.

Таким образом, в мае 1928 г. организационная стадия иосифлянского движения в основном завершилась. Окончательно ставший после ссылки в феврале 1928 г. митр. Иосифа руководителем движения епископ Димитрий был признан в этом качестве всеми другими вождями движения. Кроме того, весной 1928 г. он непосредственно окормлял иосифлянские приходы на Северо-Западе России, частично на Украине, Кубани, Ставрополье, в Московской, Тверской, Витебской и других епархиях, викториан бывшей Вятской губернии и Удмуртии.

В это же время завершилось создание идеологической базы движения. Весной 1928 г. ленинградскими иосифлянами было написано несколько программных и агитационных документов. Стремясь канонически обосновать свой отход от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и снять обвинения со стороны части православного епископата, они в марте в специальном документе «Почему мы отошли от митрополита Сергия» в виде резюме из 10 разделов изложили ряд основных правил, являвшихся основанием для отделения: «Мы идем за своим каноническим митрополитом Иосифом, от которого не должны отступать и прекращать возношений его имени и в Божественном тайнодействии, “прежде соборного рассмотрения”, какого не было... В действиях митр. Сергия усматривается наличие ереси и даже худшего ее, что дает право на отхождение “прежде соборного рассмотрения” даже и от Патриарха» и т. д.³⁰

Несколько листовок, предназначенных для широкого распространения, в том числе очень популярную «Об исповедничестве и подвижничестве», написал прот. Феодор Андреев. Кроме того, он и профессор М.А. Новоселов стали авторами знаменитой брошюры «Что должен знать православный христианин?», проходившей позднее в качестве вещественного дока-

---

²⁸ Государственный архив общественно политической истории Воронежской области (ГАОПИВО), ф. 9323, оп. 2, д. П 24705, т. 4, лл. 458, 631.

²⁹ Там же, т. 1, л. 16.

³⁰ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. С. 584–585.

зательства на всех судебных процессах над иосифлянами. В числе агитационных текстов, распространявшихся иосифлянами, оказались и документы Русской Православной Церкви за границей.

В борьбе митр. Сергия за высшую церковную власть большое значение имела поддержка государственной власти и ее резко враждебное отношение к иосифлянам. Репрессии властей начались уже в 1928 г.: были арестованы противники политики митр. Сергия в Воронеже, Москве, Никольске, Вятской епархии. Настоятель Спасо-Преображенской церкви пос. Стрельна прот. Измаил Рождественский 25 февраля был выслан на Урал. 29 февраля митр. Иосиф был выслан из Ростова в Моденский монастырь, что существенно осложнило руководство набиравшим силу движением. В октябре 1928 г. был арестован автор основных концептуальных текстов иосифлянского движения прот. Феодор Андреев, магистр богословия, бывший доцент Московской Духовной Академии, а затем профессор Петроградского Богословского института. В августе 1928 г. было закрыто Богословско-пастырское училище, большинство учащихся и преподавателей которого поддерживали иосифлян³¹.

Борьба иосифлян вызывала симпатии к ним в различных слоях духовенства и епископата. Так, один из авторитетных членов «ярославской группы», архиепископ Угличский Серафим (Самойлович), летом 1928 г. частично примирившийся с митр. Сергием, 7/20 января 1929 г. из Буйничского Свято-Духова монастыря под Могилевом, где находился в ссылке, написал яркое антисергианское послание «Возлюбленным о Господе архиереям, пастырям и пасомым Православной Российской Церкви», в котором говорилось: «В части административной, по управлению церковными делами, мы рекомендовали бы всем верным о Господе принять к руководству воззвание почившего Высокопреосвященнейшего Агафангела, митрополита Ярославского, от мая 1922 г. и наш циркуляр от 16/29 декабря 1926 г., обращаясь в крайней нужде к Высокопреосвященнейшему митрополиту Иосифу (Ленинградскому), от которого мы восприимали 16/29 декабря 1926 г. права Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и с которым мы находимся в одинаковом ссыльном положении»³². За это послание архиеп. Серафим был арестован, осужден на 5 лет лагерей и отправлен на Соловки. Послание имело для иосифлян большое значение, так как в нем один из самых авторитетных иерархов фактически признал митр. Иосифа главой Церкви.

В целом в условиях конца 1920-х гг. у иосифлян почти не было шансов доминировать в Русской Православной Церкви. Государственная религиозная политика того времени поддерживалась вековой традицией отношения Церкви к светской власти и нежеланием большей части епископата и духовенства уходить в подполье в случае необходимости. Одна из причин поражения иосифлянства заключалась в резком ужесточении антирелигиозных акций советского режима в конце 1920-х-1930-х гг. Тактика привлечения на свою сторону духовенства путем агитации, назначения священников и епископов для других епархий в условиях советской действительности тех лет была обречена на поражение. Кроме того, иосифляне явно недооценили «политическую усталость» религиозных масс после нескольких лет революции и гражданской войны, их нежелание идти на конфронтацию с властью. В этих условиях сложные вопросы «каноничности-неканоничности» тех или иных поступков митр. Сергия отступали на второй план.

Неверным является утверждение, что движение постепенно угасло само. Несомненно, главной причиной его упадка стали широкомасштабные репрессии органов ОГПУ. Документы Центрального государственного архива Санкт-Петербурга свидетельствуют, что из 21 иосифлянского храма города лишь шесть перешли затем под управление митр. Сергия, 15 же были закрыты властями. Несколько приходов епархии присоединились к иосифлянам осенью 1928 г.

---

³¹ ЦГА СПб., ф. 56, оп. 3, д. 2, л. 99.

³² ГАОПИВО, ф. 9323, оп. 2, д. П 24705, т. 6, л. 83.

А нижний храм церкви Воскресения Христова (Малоколоменской) в Ленинграде стал иосифлянским 31 октября 1929 г. Община храма отнюдь не угасла, несмотря на репрессии (в декабре 1930 г. был арестован диакон, в июне 1931 г. – регент храма). Ее доходы быстро росли – с 13 тыс. рублей в 1930 г. до 26 тыс. – за январь–октябрь 1931 г. Но в марте 1932 г. церковь была закрыта и снесена³³.

Постепенно гонения на иосифлян нарастали, архиеп. Димитрий был арестован 29 ноября 1929 г. и постановлением Коллегии ОГПУ от 3 августа 1930 г. приговорен к 10 годам концлагеря. Сменившего его в качестве руководителя течения ей. Сергия (Дружинина) через год постигла та же участь. Оба они погибли в середине 1930-х гг. Настоятель кафедрального собора Воскресения Христова прот. Василий Верюжский был арестован 3 декабря 1929 г.³⁴ 18 ноября 1930 г. закрыли и сам собор.

Однако в 1930 г. «автокефалия» иосифлян не распалась, как считают многие исследователи. Хотя в 1931–1932 гг. в Ленинграде и пригородах сохранились лишь девять их официально не закрытых церквей, общественная деятельность сторонников митр. Иосифа не прекратилась, а ее антиправительственная окраска даже усилилась. Роль центрального храма перешла к церкви ев. Моисея на Пороховых. В докладных записках, сводках инспекторов по вопросам культа, сотрудников ОГПУ за 1932 г. указывалось: «В церкви Моисея “истинно-православными” церковниками производятся сборы денег и продуктов в пользу репрессированного за контрреволюционную деятельность духовенства и монашества... Церковь Моисея была и есть место, где устраиваются пострижения фанатически настроенных верующих в тайное монашество (ранее постригал епископ Василий Докторов и в последнее время – иеромонах Иванов и Анатолий Согласнов). Церковь Моисея после ареста 4 ноября 1932 г. особенно активных элементов “истинно-православных” церковников стали обслуживать скрывающиеся от арестов иеромонах Аркадий и священник П. Петухов... Надо полагать, что скрывающиеся от ареста представители духовенства... на регистрацию идти не хотят, т. к. они ее считают вообще недопустимой с канонической точки зрения»³⁵.

Ряд ученых считают, что в 1933 г. с легальной деятельностью «непоминающих» было покончено. Это не так, хотя в том году в Москве был закрыт их последний храм. Аналогичные попытки предпринимались в Ленинграде. Еще в 1932 г. была уничтожена одна из основных опор иосифлян – монашество. В одну ночь 18 февраля в ленинградских тюрьмах исчезли практически все оставшиеся на свободе иноки, а также связанные с монастырями представители приходского духовенства и мирян – всего около 500 человек³⁶. И все-таки все 1930-е гг. в северной столице действовал последний легальный иосифлянский храм – Преув. Троицы в Лесном. Его община перешла в Московскую Патриархию только в 1943 г.

Середину 1940-х гг. можно считать фактическим концом иосифлянского движения. Последние его представители окончательно теряют свою обособленность. Значительная часть из немногих выживших в лагерях известных иосифлянских деятелей примирилась с Патриархией – протоиереи Василий Верюжский, Алексей Кибардин, Константин Быстревский и др. За ними последовала и их прежняя паства. Так, в 1945 г. в г. Гатчина под Ленинградом внутри Патриаршей Церкви возникла община бывших иосифлян во главе со священником Петром Белавским, близким когда-то к архиеп. Димитрию.

Другая часть представителей иосифлянского движения, до конца оставшаяся непримиримой, полностью слилась с катакомбниками, составив в их среде особую традицию. Произошло окончательное разделение «левого» и «правого» крыла иосифлян. К числу непримиримых

³³ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб. ЛО), ф. арх. след. дел, д. П 28774, П 42182, П 66675; ЦГА СПб., ф. 4914, оп. 3, д. 2, лл. 50, 200, 206, 210.

³⁴ АУФСБ СПб. ЛО, ф. арх. след. дел, д. П 78806.

³⁵ ЦГА СПб., ф. 1000, оп. 50, д. 29, лл. 18, 20.

³⁶ Краснов Левитин А. Указ. соч. С. 222; Мещерский Н.А. Указ. соч. С. 102–106.

мых относилось большинство бывших «бுவцев». Центральное Черноземье России – второй по значению регион деятельности иосифлян – стало основной «базой» катакомбников. Это признавали и советские исследователи. Так, например, А.И. Клибанов писал, что «здесь находился наиболее значительный и активный очаг этих течений (Истинно-Православной Церкви и истинно-православных христиан), распространявшихся и далеко за пределы Черноземного Центра» (прежде всего Тамбовской, Воронежской, Липецкой, Рязанской областей)³⁷.

Таким образом, хронологическими рамками иосифлянского движения являются 1927 – середина 1940-х гг., в то время как Катакомбная Церковь смогла просуществовать до падения советской власти. Иосифляне стали заметным явлением в церковной жизни рассматриваемого периода. Они попытались осуществить третий (отличный от катакомбного или избранного митр. Сергием) путь для Православной Церкви в СССР – легальной или полулегальной оппозиции. Движение потерпело поражение прежде всего вследствие резко антирелигиозной, бескомпромиссной политики советского режима в конце 1920-х-1930-х гг. Однако борьба иосифлян показала силу нравственного сопротивления русского народа утверждавшемуся тоталитарному режиму, явила целый сонм святых новомучеников и исповедников, многие из которых были причислены к лику святых как Зарубежной Русской Церковью (1981 г.), так и Русской Православной Церковью Московского Патриархата (2000 г.).

---

³⁷ Клибанов А.И. Конкретные исследования современных религиозных верований (Методика, организация, результаты). М., 1967. С. 13.

Митрополит Петроградский Иосиф (Петровых)

*Митрополит Иосиф (Петровых).
Конец 1920-х гг. (Из следственного дела 1937 г.)*

Митрополит Иосиф принадлежит к тем ключевым фигурам в истории Русской Православной Церкви XX века, которые вызвали и вызывают немало споров. С его именем связано возникновение самого сильного церковного движения сопротивления богоборческой политике советских властей и компромиссному курсу соглашений части церковного руководства с правительством. В то же время не вызывает сомнений, что Владыка Иосиф был одним из самых выдающихся архиереев 1920-1930-х гг., горячим молитвенником, опытным иноком, аскетом, крупным богословом. В 1981 г. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви за границей причислил митрополита к лику святых среди новомучеников и исповедников российских. Уже несколько лет обсуждается и вопрос его возможной канонизации и Московской Патриархией.

Будущий митрополит родился 15 декабря 1872 г. в г. Устюжна Новгородской губ. в многодетной мещанской семье. Его отец, Семен Кириллович, был булочником, а мать, Евдокия Ивановна (урожденная Ганьковская), занималась домашними делами. В семье Петровых было девять детей: Андрей, Иван (будущий Владыка Иосиф), Александр, Сергей, Петр, Николай, Клавдия (позже в тайном постриге), Мария и Антонина. Крещен младенец Иван был, как и все его братья и сестры, в приходской церкви Вознесения Господня на Всполье. Глубокая вера и стремление послужить Богу отмечались у него с раннего детства. Несмотря на природные дарования и огромные способности мальчика, надежды на учение почти не было, но Божиим Промыслом Ване Петровых суждено было получить прекрасное духовное образование³⁸.

В 1880 г. по рекомендации священника Вознесенской церкви мальчик был принят в Устюженское Духовное училище и успешно окончил его в 1889 г. Затем Иван поступил в Новгородскую Духовную семинарию, которая располагалась в обители преподобного Антония Римлянина. После окончания семинарии в 1895 г. в числе лучших ее воспитанников Иван был принят на казенный счет в Московскую Духовную Академию. В дни каникул он работал при храмах и монастырях, приводя в порядок церковные документы. Закончив учебу первым магистрантом 11 июля 1899 г., И. Петровых был 16 августа оставлен профессорским стипендиатом при Академии. Будучи в стенах Троице-Сергиевой Лавры, Иван Семенович проявил себя усидчивым, способным к науке. По заданию Академии Наук он по специальной программе записал северный народный говор, получив за успешно выполненную работу одобрение.

9 сентября 1900 г. И.С. Петровых был утвержден исполняющим должность доцента Академии по кафедре Библейской истории. Но карьера ученого не привлекала его, стремившегося к своей давней мечте – иночеству. Зародилась она еще в то время, когда Иоанн Семенович был семинаристом. Студентом Академии он любил посещать святые обители и святые места. Там черпал силу и получал благодатную помощь Божию. Им были совершены паломничества в Соловецкий монастырь, во святой град Иерусалим, на святую гору Афон, в Ново-Афонский монастырь. Во времена зимних каникул, уклоняясь от светских развлечений и увеселений, Иван Семенович уезжал в любимый им Антониев монастырь в Новгороде. Именно там он и провел последние недели лета 1901 г., готовясь к иноческому постригу, уходя в себя и сосредоточиваясь в молитвах.

Пострижение в монашество было совершено 26 августа 1901 г. в Гефсиманском скиту при Троице-Сергиевой Лавре, с наречением имени Иосиф. Чин пострижения совершил духовный отец – преосвященный еп. Волоколамский Арсений (Стадницкий), ректор Московской Духовной Академии. Божественную литургию служил инспектор Академии архимандрит Евдоким (Мещерский) совместно с новгородским епархиальным миссионером иеромонахом Варсонофием (Лебедевым) и монастырской братией. Хор пел лаврский, нарочно прибывший в скит на пострижение И.С. Петровых. После совершения пострига епископом Арсением было сказано Иосифу слово, которое имело важное значение для всей его последующей деятельности: «Теперь, когда хулится имя Божие, молчание постыдно и будет сочтено за малодушие или бесчувственную холодность к предметам веры. Да не будет в тебе этой преступной теплоты, от которой предостерегает Господь. Работай Господеви духом горяще». Слова эти были восприняты как завет и хранились в душе Владыки всю жизнь, имея огромное значение для его деятельности. В архивах сохранилась переписка Иосифа (Петровых) с митрополитом Арсением (Стадницким) за 1898–1917 гг. Многочисленные письма свидетельствуют, с каким вниманием относился Владыка Арсений к своему воспитаннику, а затем ставленнику, и с каким благоговением и любовью отвечал на эту заботу духовный сын. Владыка разглядел высокое устройство души молодого монаха, несмотря на некоторые проступки, совершенные

---

³⁸ Хрусталева М.Ю., Гусев О.А. Митрополит Петроградский Иосиф (Петровых) в сонме новомучеников и исповедников Российских // Устюжна: Историко-литературный альманах. Вып. II. Вологда, 1993. С. 146.

по сердечной горячности. 6 июля 1905 г. епископ Арсений записал в своем дневнике: «По душам беседовали мы с о. Иосифом, прекрасным монахом, но скрытым по характеру человеком. Нужно уметь проникнуть в сокровенную души его, иначе она останется неразгаданною. Кажется, я сумел сделать это». 30 сентября 1901 г. монах Иосиф был рукоположен во иеродиакона, а 14 октября – во иеромонаха³⁹.

6 июня 1903 г. его удостоили степени магистра богословия за диссертацию «История иудейского народа по “Археологии” Иосифа Флавия (Опыт критического разбора и обработки)» и 19 июля утвердили в звании доцента, а через некоторое время, 9 декабря 1903 г., назначили экстраординарным профессором и инспектором Московской Духовной Академии. За церковные заслуги 18 января 1904 г. отца Иосифа возвели в сан архимандрита, более двух лет он исполнял обязанности профессора Библейской истории. В 1904 г. архим. Иосиф в полемике по монашескому вопросу выступил с острой критикой против некоторых членов корпорации Академии, в частности профессора Н.Ф. Каптерева. В конце революционного 1905 г. архимандрит занял резко отрицательную позицию в отношении демократизации устава Духовной Академии и 10 января 1906 г. взял месячный отпуск вследствие «переутомления»⁴⁰.

Из-за конфликта со студентами, по прошению, о. Иосиф был уволен из Академии и указом Свят. Синода от 30 июня 1906 г. перемещен на должность настоятеля первоклассного Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря в Холмской епархии (Седлецкой губернии). 9 августа архимандрит написал теплое прощальное письмо к наставникам и сослуживцам по Духовной Академии: «Оставляя дорогую Академию, чувствую сердечную потребность сказать всем свое взволнованное последнее прости!, слишком тяжелый путь избираю себе, чтобы можно было пуститься в него, не сжимая сердца от разлуки с родной академической семьей, с которой успел сжиться тысячами нитей, и не оглянуться на нее слезно-прощальным, благоговейно-признательным взором... Простите же меня все, кому я подал какие-либо основания для нарушения внутреннего мира и спокойствия...»⁴¹ В ноябре 1907 г. согласно определению Святейшего Синода архимандрит Иосиф был перемещен настоятелем первоклассного Юрьева монастыря в Новгороде. Новое постановление Синода от 27 февраля 1909 г. вознесло его на высокую ступень епископского служения.

Хиротония во епископа Угличского, второго викария Ярославской епархии, происходила 15 марта 1909 г. в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры. Совершали ее видные иерархи Русской Православной Церкви: митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский), митрополит Московский Владимир (Богоявленский), митрополит Киевский Флавиан (Городецкий), архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей (Страгородский) в сослужении многочисленного духовенства. В то время Владыка стремился как-то осмыслить свои движения и настроения, понять себя. Именно тогда он понял, что выбрал правильный жизненный путь. Преосвященный Иосиф очень любил служить литургию и служил ее каждый день. В трудные моменты жизни Владыка стремился пребывать в любви к Богу и Божией Матери, в молитвах просил у них помощи, и Господь посылал ему утешение.

В 1905–1914 гг. под инициалами А.И. была издана книга духовных размышлений преосвященного Иосифа «В объятиях Отчих. Дневник инока». «Владея настоящей книгой, знай, добрый читатель, что ты некоторым образом владеешь душою моею. Не осмей ее, не осуди, не укори: она открыта пред тобой здесь так, как только открывают ее духовнику и самому

³⁹ Мануил (Лемешевский), митрополит. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы. Часть IV. Эрланген, 1986. С. 22; Новгородские епархиальные ведомости. 1901. № 19. С. 1176; Переписка митрополита Иосифа (Петровых) с митрополитом Арсением (Стадницким). Публ. О. Ефремовой // Богословский сборник Православного Свято-Тихоновского Богословского института (ПСТБИ). 2002. № 10. С. 295–319; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 550, оп. 1, д. 317, 318, 391, 513.

⁴⁰ Голубцов С.А. Московская Духовная Академия в революционную эпоху. М., 1999. С. 21.

⁴¹ Переписка митрополита Иосифа (Петровых) с митрополитом Арсением (Стадницким). С. 318–319.

близкому человеку – открыта во всех сокровеннейших движениях, ежедневных настроениях, чувствованиях, изъянах и немощах, во всех добрых или злых, святых или темных сторонах и жизненных проявлениях...» Такими словами предварил свой труд автор⁴².

Сразу после выхода первых книжек дневника они возбудили горячий отклик в сердцах истинно верующих людей. Появляющиеся в различных православных дореволюционных российских журналах отрывочные публикации уже известного публике произведения способствовали поддержанию интереса к нему вплоть до 1917 г.

Сильное впечатление производит запись в дневнике от 6 августа 1909 г.: «Господи! Душа моя жаждет подвига. Укажи мне его, натолкни на него, укрепи в нем, вразуми, помоги. О, как хотел бы я участи избранных Твоих, не пожалевших для Тебя ничего, вплоть до души и жизни своей»⁴³.

Желание инока осуществилось. Мученическая кончина Владыки озаряет книгу новым светом, читатель имеет возможность проследить, как печатлеется в сердце, очищаемом покаянием, «вечная вселенская Истина», укрепляя его и уготовляя к исповедническому подвигу. Дневник состоял из 12 томов, из которых первые вышли в свет в 1905 г., т. е. не более чем через четыре года после пострижения. Отсюда видно, как внимательно автор углублялся в себя и записывал каждое свое душевное движение. В дневнике много говорится и о взлетах его духа, и об искушениях – приливах гордости и самомнения, и о других духовных переживаниях. Из этих записей видно, что архимандрит, а затем Владыка Иосиф был человек аскетически настроенный, опытный как инок, энергичный, но горячий и порывистый. Обширная административная работа, сначала во главе монастыря, а потом видного викариатства не вполне отвечала его душевному настрою, склонности к уединенной молитве и самоуглублению. В результате епископ Иосиф заболел мучительной болезнью, межреберной невралгией.

Душевные силы Владыки укрепляли поездки в обители. В 1909 г. он посетил старинный, основанный еще в 1564 г. близ Устюжны при впадении речки Моденки в реку Мологу Николо-Моденский монастырь – место своей будущей многолетней ссылки. Тогда ей. Иосиф отслужил в обители Всенощную. Значительно укрепило его духовные и душевные силы посещение в 1911 г. Святой Горы Афон, а затем Ново-Афонского монастыря в Абхазии. Одной из целей поездки на Афон было постижение тонкостей древнего церковного распева, так как епископ являлся знатоком церковного пения. С 27 февраля 1909 г., вплоть до закрытия этой обители в марте 1923 г., Владыка был настоятелем Спасо-Иаковлевского Димитриева монастыря в городе Ростове Великом. 22 мая 1913 г. он встречал там Императора Николая II и Августейшую Семью. 16 декабря того же года монастырь инкогнито посетила ев. Великая Княгиня Елизавета Феодоровна. Епископ Иосиф благословил ее святыней обители – Ватопедской иконой Божией Матери и преподнес Княгине икону свт. Димитрия с частицей его гроба, одежды и святых мощей. 4 июня 1916 г. епископ принял в монастыре Великого Князя Николая Михайловича.

За время управления Спасо-Иаковлевским монастырем Владыкой Иосифом были освящены храм Толгской иконы Божией Матери (9 октября 1909 г.), пещерный храм Воскресения Христова (1 апреля 1912 г.), придел Ватопедской иконы Божией Матери (8 июня 1916 г.) и церковь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» (25 ноября 1917 г.). Кроме того, на пожертвования богомольцев был отреставрирован соборный Зачатьевский храм, ив 1914 г. построен странноприимный дом, превращенный через два месяца после начала Первой мировой войны в оборудованный по последнему слову медицинской техники военный госпиталь имени о. Иоанна Кронштадтского на 150 мест. В городе славились хоры монастыря, особенно любили здесь детский хор⁴⁴.

---

⁴² Непорочности Церкви тайный ревнитель... // Возвращение. 1993. № 4. С. 40.

⁴³ А. И. В объятиях Отчих. Дневник инока. Т. IX. Сергиев Посад, 1913. С. 240.

⁴⁴ Вахрина В.И. Спасо-Иаковлевский Димитриев монастырь. М., 2002. С. 83–85, 126.

И после закрытия обители преосвященный Иосиф до августа 1926 г. являлся председателем созданной братией церковной общины. До сих пор в сердцах старых ростовчан живет память о Владыке: «Епископ Иосиф был известным человеком в Ростове, его буквально боготворили. Когда в 1920 году епископ Иосиф находился в заключении в Ярославле, в городе были собраны тысячи подписей с просьбой о его освобождении. И сегодня его помнят в Ростове, и те, кто знали его, и те, кто только слышали о нем от своих родителей. Бережно хранят горожане, даже те, кто не считает себя верующими, фотографии и подарки владыки»⁴⁵.

Начало службы Владыки в Ростове совпало в октябре 1909 г. с 200-летием со дня кончины святителя Димитрия Ростовского, которое стало всероссийским событием. Епископ приложил много усилий по устройству и проведению торжеств. С 18 марта 1910 г. он был уже первым викарием Ярославской епархии, которую с 1907 по декабрь 1913 гг. возглавлял в сане архиепископа будущий ев. Патриарх Московский и всея России Тихон (Беллавин). 14 сентября 1913 г. преосвященный Иосиф передал из Ростова в свой родной край – в храм с. Модено Устюженского уезда, имевший придел свт. Димитрия Ростовского, – часть мощей, гроба и одежды этого святого. Их принесение сопровождалось празднеством, собравшим тысячи людей со всей округи.

В 1911 г. епископ Иосиф написал переизданную несколько раз книжечку о чуде выздоровления в 1910 г. тяжелобольной десятилетней девочки Лизы Лепешкиной у чудотворной иконы Божией Матери «Умиление» в Ростове. Владыка сам составил и молитву этой иконе⁴⁶.

В августе 1914 г. произошло почти одновременное отбытие из Костромы правящего архиерея и викария, и епископ Иосиф с 25 августа по 16 сентября 1914 г. исполнял обязанности временно управляющего Костромской епархией. Несмотря на непродолжительность этого периода, он характеризует Владыку как деятельного и истового архипастыря, немало сделавшего для оказания помощи русским воинам и их семьям в начальный период Первой мировой войны. Так, 29 августа в кафедральном соборе Костромы епископ Иосиф отслужил панихиду «по вождям и воинам, на поле брани живот свой положившим», затем был проведен крестный ход на центральную Сусанинскую площадь, где у Александровской часовни Владыка в сослужении всего городского духовенства совершил молебен «о даровании победы русскому воинству над врагом, а народу над пьянством». 3 сентября резолюцией епископа было предписано «объявить всем благочинным, настоятелям и настоятельницам монастырей и приходским священникам оказывать возможное содействие сборам на нужды Красного Креста за все время войны». О внимании Владыки к нуждам военного времени свидетельствует и то, что он собирал в Костроме настоятелей, причт и старост для обсуждения, «чем духовенство и церкви города могут оказать свою помощь больным и раненым воинам во время настоящей войны»⁴⁷.

До революционных потрясений 1917 г. Владыка успел написать и большей частью опубликовать около 80 трудов, в том числе 11 томов своего дневника, 10 статей в Православной Богословской энциклопедии, исторические описания нескольких обителей, многочисленные статьи на нравственно-воспитательные темы в журнале «Божья Нива», работы «Матерь Божия – Благодатная Матерь народа русского» (Сергиев Посад, 1902), «История иудейского народа по археологии Иосифа Флавия (Опыт критического разбора и обработка)» (Сергиев Посад, 1903), «От крупниц Евангельских. Беседы инока. Сборник проповедей» (Сергиев Посад, 1904), «Учение Лейбница о происхождении и сущности зла» (Харьков, 1905) и другие.

---

⁴⁵ Сахаров М.С. Священномученик митрополит Иосиф Петроградский (биографический очерк). СПб., 2002. Машинопись. С. 10–11.

⁴⁶ Новое чудо милосердия Царицы Небесной в г. Ростове Великом. Сергиев Посад, 1911.

⁴⁷ Мануил (Лемешевский), митрополит. Указ. соч. С. 21; Новгородские епархиальные ведомости. 1913. № 43. С. 1428–1432; Костромские епархиальные ведомости. 1914. № 19. С. 501–502; Хлебников М. Дополняя житие святителя Иосифа Петроградского // Православная жизнь. 1999. № 2 (590). С. 13–15.

Еп. Иосиф уделял внимание примирению со старообрядцами. 31 мая 1917 г., вместе с епископом Уфимским Андреем (Ухтомским) и единоверческим протоиереем Симеоном Шлевым, он присутствовал на Соборе старообрядческой Церкви Белокриницкой иерархии, проходившем на Рогожском кладбище в Москве, подписал «Обращение» к Собору и имел беседы со старообрядческими архиереями. Через несколько месяцев Владыка стал участвовать в работе Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг.

Согласно некоторым свидетельствам, Владыка Иосиф был назван Патриархом Тихоном в числе трех тайных чрезвычайных Местоблюстителей Патриаршего Престола, назначенных в соответствии с постановлением Поместного Собора от 25 января 1918 г. Так, в рассказе свидетельницы о встрече с митр. Иосифом в 1937 г. в тайной церкви в Алма-Ате, приведенном в работах М. Польского и Л. Регельсона, сообщалось: «Он лично говорил, что Патриарх Тихон предложил, немедленно по своем избрании, назначить его своим первым заместителем (еще одно свидетельство об исполнении Патриархом Тихоном постановления Собора от 25 янв. 1918 г. о чрезвычайном Местоблюстительстве! —Л.Р.). Почему-то в истории церковного местоблюстительства об этом нигде не упоминается»⁴⁸. Кроме того, возможно, существовал секретный протокол Поместного Собора от 28 января 1918 г. с указанием имен чрезвычайных Местоблюстителей: митрополит Антоний (Храповицкий), архиепископ Кирилл (Смирнов) и епископ Иосиф (Петровых)⁴⁹.

Вскоре после вынужденного прекращения работы Собора Патриарх Тихон приехал в Ярославль, где 1–2 октября 1918 г. служил в Спасо-Ярославском монастыре. На следующий день, 3 октября, Первосвятытель поехал в Ростов Великий и служил там всенощное бдение вместе с епископом Иосифом и рядом других архиереев в Спасо-Иаковлевском монастыре. 4 октября в обители была совершена патриаршая литургия, а затем Первосвятытель отбыл в Москву.

В декабре 1917 г. – январе 1918 г. епископ Иосиф временно управлял Рижской епархией. А уже вскоре последовал его первый арест в Ростове в монастыре 7 июля 1919 г. Ярославской губернской ЧК «за попытку срыва вскрытия мощей в Ростовском уезде путем созыва верующих колокольным звоном». 18 июля Владыка был перевезен в Москву во внутреннюю тюрьму ВЧК на Лубянке, где содержался около месяца. В августе 1919 г. он оказался освобожден за недостаточностью улик без вынесения приговора⁵⁰. Мужественное поведение Преосвященного не прошло мимо внимания церковного руководства, и 22 января 1920 г. он был возведен в сан архиепископа и назначен Святейшим Патриархом Тихоном архиепископом Ростовским, викарием Ярославской епархии.

Новый конфликт с представителями советской власти не замедлил себя ждать. 25 апреля 1920 г. во время вечерней службы в Дмитриевском соборе они пришли к архиеп. Иосифу и потребовали срочно явиться в Успенский собор на вскрытие мощей Ростовских Чудотворцев (свв. Исаии, Игнатия, Авраамия и Димитрия Ростовского) и при. Евфросинии Полоцкой, согласно только что принятому постановлению X-го уездного съезда советов. Владыка обратился к молящимся: «Братья и сестры! X съезд советов постановил открыть мощи. Нами уже были поданы ходатайства перед властью об оставлении мощей, но, по-видимому, Господом Богом не приняты наши просьбы, и теперь нам надо подчиниться этому испытанию. Все-таки употребим последнюю нашу меру, попросим съезд советов не трогать наших святынь, и, может, Господь расположит их внять нашей просьбе». Епископ в белых ризах с богомольцами пошел к Успенскому собору, на крыльце которого еще раз обратился к народу и просил передать съезду

---

⁴⁸ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917–1945. Париж, 1977. С. 590.

⁴⁹ Русское Православие. 2000. № 2. С. 7, 32.

⁵⁰ Одинцов М.И. Русские Патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. Часть I. М., 1999. С. 116.

просьбу верующих, но со стороны властей последовал отказ. После вмешательства милиции народ разошелся.

В тот же день специальная комиссия вскрыла мощи. Около недели необлаченные мощи святых стояли в храмах, затем их вернули на прежние места. За организацию крестного хода с выражением протеста против этой варварской, незаконной даже в свете советских декретов акции 8 июля 1920 г. Владыка был арестован по обвинению в антисоветской агитации. Три недели он находился в заключении в Ярославской тюрьме, а в это время в Ростове собирались тысячи подписей верующих за его освобождение. В итоге архиепископ Иосиф был освобожден, но постановлением Президиума ВЧК от 26 июля 1920 г. приговорен к одному году заключения условно с предупреждением о неведении агитации⁵¹.

Весной 1922 г. на Русскую Православную Церковь обрушились новые тяжелые испытания – развернутая по указанию Политбюро ЦК РКП(б) кампания по изъятию церковных ценностей и обновленческий раскол, также непосредственно организованный органами государственной власти, в частности ГПУ. После ареста Патриарха Тихона в мае 1922 г. власть в Церкви на год захватили просоветски настроенные обновленцы, сформировавшие свое Высшее Церковное Управление.

Архиепископ Иосиф также был арестован в мае 1922 г. по делу «о противодействии изъятию церковных ценностей» и 19 июля приговорен в г. Ростове Ярославским губернским революционным трибуналом к 4 годам лишения свободы. После этого – третьего за последние три года – ареста Владыка был вынужден дать подписку «не управлять епархией и не принимать никакого участия в церковных делах и даже не служить открыто»⁵². По предписанию председателя ВЦИК М.И. Калинина от 5 января 1923 г. он в этом же месяце был освобожден досрочно. После освобождения Владыка затворился в Угличском Алексеевском монастыре и оттуда все же негласно управлял епархией, отвергая всякий диалог с обновленцами. Категорическое неприятие их принесло преосвященному Иосифу уважение и народную любовь. Верующие всячески поддерживали своего архипастыря. Когда 14 марта была образована приходская община храмов Спасо-Иаковлевского монастыря, архиепископа избрали ее председателем.

После освобождения в июне 1923 г. Патриарха Тихона начался катастрофический спад влияния обновленчества. Борьбу с ним в Ярославской губернии возглавлял архиепископ Ростовский. Так, в письме начальника Ярославского губернского отдела ГПУ в ОГПУ от 8 августа 1923 г. говорилось: «Обновленческая группировка в настоящее время почти совершенно прекратила свою деятельность под натиском тихоновской группировки. Большинство духовенства и верующих идет по пути тихоновщины, ослабляя морально и материально обновленческую группировку. Во главе тихоновской группировки стоит епископ Ростовский Иосиф. Данное лицо по Ярославской губернии в настоящее время весьма авторитетно не только среди духовенства и верующих, но и среди советских работников низового аппарата, и в особенности Ростовского уезда... Заручившись из Наркомюста официальной бумагой, разрешающей Иосифу создать свое параллельное ВЦУ Ярославское отделение Епархиального управления, Иосиф ведет линию всеми способами к полной ликвидации обновленческой группы как лицо весьма авторитетное среди духовенства и верующих и доказавшее себя, что и современная власть не всегда может его обуздать в его реакционной деятельности. Конечно, его настоящая деятельность, нужно признать, идет достаточно успешно. При таких обстоятельствах деятельность обновленческой группы в Ярославской губернии, собственно, должна замереть, что и можно констатировать в настоящее время. Для поддержания деятельности обновленческой группы, безусловно, необходимо изъять из пределов Ярославской губернии епископа Иосифа,

---

⁵¹ Вахрина В.И. Указ. соч. С. 128–129.

⁵² См.: Заявление митр. Иосифа от 24 июня 1927 г. в хранящейся у частного лица папке «Материалы для истории Русской Церкви за 1922–30 гг. Еп. Иннокентий (Старая Русса)».

что значительно ослабит тихоновскую группу, и этим самым дать возможность оживиться и обновленческой группе, главным образом за счет верующих, ибо епископ Иосиф в глазах верующих – самое авторитетное лицо из духовенства Ярославской губернии, а потому значительная часть верующих идет за ним не только как за тихоновцем, но и как за известным им Иосифом, которого и Советская власть по велению бога избавляет от наказания (выражения верующих). Без этой операции нет возможности хотя бы минимально поддерживать деятельность обновленческой группы»⁵³.

Но, несмотря на противодействие ГПУ, архиепископ продолжал борьбу за Православие. 21 мая 1924 г. архиеп. Иосиф был назначен членом Священного Синода при Патриархе. Правда, будучи переведен в марте 1924 г. на Одесскую кафедру, Владыка не смог водвориться там из-за противодействия обновленцев и местных властей и оставался проживать в Ростове на положении управляющего Ростовским викариатством до осени 1924 г., когда был назначен управляющим Новгородской епархией. Проживая большую часть времени в Ростове, Владыка Иосиф временно управлял одной из старейших русских епархий до сентября 1926 г. В этот период ему довелось вновь посетить родную Устюжну и встретиться с родственниками. Архиепископ периодически служил в новгородском Софийском соборе, ленинградском кафедральном храме Воскресения Христова (Спас на Крови). Особенно значительное количество верующих собирали его архиерейские богослужения в Успенском соборе г. Ростова.

Когда 7 апреля 1925 г. скончался Святейший Патриарх Тихон, Местоблюстителем Патриаршего Престола согласно его завещанию стал митрополит Крутицкий Петр (Полянский). 12 апреля архиепископ Иосиф, как управляющий Новгородской епархией, с шестьюдесятью другими архиереями участвовал в погребении ев. Патриарха Тихона и подписал акт о передаче местоблюстительских полномочий ев. митрополиту Петру. В своем завещательном распоряжении от 6 декабря 1925 г. – за несколько дней до ареста – последний поставил архиепископа Иосифа третьим кандидатом в Заместители Патриаршего Местоблюстителя за митрополитом Нижегородским Сергием (Страгородским) и митрополитом Киевским Михаилом (Ермаковым).

После ареста Владыки Петра (Полянского) руководство Русской Церковью перешло к митрополиту Сергию. Правда, весной 1926 г. был освобожден митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский), который, по завещанию Патриарха Тихона, являлся вторым кандидатом на должность местоблюстителя Патриаршего Престола. 18 апреля он выпустил послание о вступлении его в права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя. Но подавляющее число архиереев, в том числе и архиепископ Иосиф, поддержали митрополита Нижегородского, который сохранил руководство Русской Церковью на время заключения Владыки Петра.

Эта активная поддержка, вероятно, способствовала тому, что 26 августа 1926 г. архиепископ Ростовский, уважаемый повсюду за свою аскетическую жизнь и ученость, был назначен митрополитом Ленинградским. По словам указа, Владыку Иосифа назначили «вследствие настоятельной просьбы верующих» с возведением его в сан митрополита с возложением белого клобука, креста на клобук и митру. Действительно, летом 1926 г. к митрополиту Сергию в Москву несколько раз с соответствующими просьбами ездили делегации ленинградских священнослужителей – настоятель кафедрального собора протоиерей Василий Верюжский, архимандриты Лев и Гурий (Егоровы), протоиереи Александр Пакляр, Иоанн Смолин, Василий Венустов и др. О назначении Владыке Иосифу сообщил, приехав специально в Новгород, где временно находился митрополит, архиепископ Алексей (Симанский) – будущий Патриарх, ставший тогда управляющим Новгородской епархией. «Из послушания» преосвященный Иосиф принял назначение, но возражал, чтобы именоваться Ленинградским, и предпочитал наименование «Петроградского».

---

⁵³ Одинцов М.И. Указ. соч. С. 115–117.

Верующие жители северной столицы встретили Владыку с большой радостью, как стойкого борца за чистоту Православия, но также и потому, что после расстрела в августе 1922 г. святого новомученика митрополита Вениамина (Казанского) несколько лет не имели своего правящего архиерея. Например, известный протоиерей Михаил Чельцов, настоятель Измайловского собора, высказывал в связи с назначением радостную надежду: «Наконец-то прекратится архиерейская рознь и скачки за первенство, наконец-то наступит мало-помалу порядок в наших делах и взаимоотношениях». 11 сентября нового стиля митрополит прибыл в Ленинград и остановился в Воронцовском подворье. Был канун известного городского праздника – перенесения в город мощей святого благоверного князя Александра Невского, который еще совсем недавно сопровождался грандиозным крестным ходом от Исаакиевского собора до Александро-Невской Лавры. На всенощной Свято-Троицкий собор Лавры, недавно перешедший к «тихоновцам» от обновленцев, был переполнен народом. «Восторгам и умилению не было пределов, радость слышалась отовсюду и виделась на лицах, разговоры лились самые оживленные и молитвенно Богу благодарные», – писал о. М. Чельцов. Согласно другому источнику: «Духовенства собралось человек полтора ста – от облачального места до престола по обеим сторонам. Епископат весь: митрополит, преосв. Алексей, Гавриил (Воеводин), Николай (Ярушевич), Стефан (Бех), Григорий (Лебедев), Сергей (Дружинин) и Димитрий (Любимов)». Первые впечатления от нового главы епархии были очень благоприятны: «Новый митрополит – высокого роста, седой, в очках, вид серьезный, несколько необщительный, как будто суровый. Есть что-то общее во внешнем виде с покойным митрополитом Вениамином. Ходит несколько сутуловато. Ни с кем не разговаривает в алтаре. Даже через ей. Григория послал сказать “беседовавшему” в алтаре духовенству держать себя “покойнее”. У епископа и духовенства – в их держании себя – сразу почувствовалось, что приехал “хозяин”: все подтянулись. Голос у него – высокий, довольно нежный, приятный, дикция чистая. В общем, впечатление хорошее, приятное»⁵⁴.

Столь же благоприятным было впечатление, произведенное митр. Иосифом на о. М. Чельцова: «Митрополит Иосиф внушал к себе, с первого же взгляда на него, симпатию и доверие... Совершенно аскетического облика монах привлекал к себе и нравился; в богослужении у него не было ничего вычурного: просто и молитвенно... Отзывались о нем как об истинном монахе, добром человеке, горячем молитвеннике, отзывчивом к нуждам и горестям людским; хотелось быть около него, слушать его... И нам, духовенству, казалось, что именно его-то нам и нужно, что именно он-то и может проявлять тот авторитет, который обязывает к послушанию, отклоняет от противления, научает к порядку, дисциплинирует одним взглядом, – словом, что с ним-то начнется у нас настоящая жизнь, что будет у нас Владыка Отец»⁵⁵.

На следующий день, в воскресенье, несмотря на дождь, площадь перед собором была переполнена народом. Многие подходили под благословение со слезами. По просьбе митрополита прот. Николай Чуков сказал по запричастном стихе слово, а на следующее утро был у него с докладом о руководимых им Высших Богословских курсах и остался доволен оказанным приемом.

Сохранились свидетельства и других очевидцев о назначении Владыки Иосифа Петроградским митрополитом. Так, архимандрит Феодосий (Алмазов) в рукописи «Мои воспоминания (записки соловецкого узника)» отмечал: «Все в Петрограде восторжествовали. Известный аскет, профессор Академии, плодовитый духовный писатель. Первое всенощное бдение он совершил 23 ноября [на самом деле 11 сентября нового стиля] в день памяти св. Александра Невского в Лавре. Все туда устремились. Религиозный подъем был невиданный: ведь стал на свою кафедру преемник священикомученика Вениамина. Народу – масса. Отслужив литургию

---

⁵⁴ Антонов В. Священномученик митрополит Иосиф в Петрограде // Возвращение. 1993. № 4. С. 47.

⁵⁵ Там же.

с прекрасной проповедью, Владыка уехал в Ростов попрощаться со своей паствой – и в этом была его роковая ошибка. Большевикам не понравилась его заслуженная популярность, вдруг проявившаяся. С дороги телеграммой ГПУ потребовало его в Москву, откуда он водворен был в монастырь около Устюжны»⁵⁶.

Митрополит Иосиф и его духовник протоиерей Александр Советов. Конец 1926–1927 гг.

Митрополит Иосиф действительно 13 сентября вечером уехал из Ленинграда в Ростов, чтобы проститься с прежней паствой (по другим сведениям, в Новгород за вещами), оставив управляющим епархией на время своего отсутствия епископа Гавриила (Воеводина). Вернуться на берега Невы ему уже никогда не было суждено. По замечанию протоиерея Михаила Чельцова, «советская власть... не могла нас оставить хотя бы при малом благополучии». Будучи вызван в Москву ОГПУ, в разговоре с возглавлявшим церковный отдел Е. Тучковым Владыка отрицательно отнесся к предложенному плану легализации Патриаршей Церкви. В результате он был отправлен в Ростов без права выезда из этого города. 28 сентября 1926 г. ленинградскому духовенству даже стало известно, что митрополиту Иосифу «предложено на три года уехать в ссылку по выбору (Архангельск и еще два пункта)»⁵⁷. К счастью, эта угроза не была тогда реализована.

В октябре Владыка Иосиф подписался под нелегально распространяемым обращением об избрании Патриархом митрополита Кирилла (Смирнова), причем, по свидетельству епископа

---

⁵⁶ Феодосий (Алмазов), архимандрит. Мои воспоминания (записки соловецкого узника). М., 1997. С. 71.

⁵⁷ Антонов В. Указ. соч. С. 47–48.

Евгения (Кобранова), «подал было голос за Сергия, но потом сказал последнему: “Владыка, Вы все равно не пройдете”, – и подал за Кирилла»⁵⁸.

25 ноября (по ст. стилю) 1926 г. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей был арестован. Его обязанности перешли к митрополиту Иосифу. Однако, предвидя и для себя невозможность в ближайшем будущем исполнять столь высокое церковное послушание, Владыка Иосиф обратился 25 ноября/8 декабря 1926 г. с завещательным посланием «К архипастырям, пастырям и пасомым Русской Православной Церкви». В нем он определял, в случае непредвиденных событий (ареста, ссылки, расстрела), дальнейший порядок «канонически неоспоримого» преемства высшей власти в Церкви. Митрополит Иосиф по возникшей тогда традиции назначил трех возможных преемников: архиепископов Свердловского Корнилия (Соболева), Астраханского Фаддея (Успенского) и Угличского Серафима (Самойловича).

Предчувствие ареста не обмануло Владыку Иосифа. 9 декабря он вновь оказался под стражей и на следующий день был дважды допрошен по делу о попытке тайного избрания Патриархом митр. Кирилла. В своих показаниях следователю митр. Иосиф заявил: «Я указал на записочке, запечатанной в конверт, что желательным кандидатом считаю Кирилла митрополита или Сергия. Я вовсе не считал, что, давая свое мнение, присоединяюсь к какому-то решению, долженствующему заменить собой соборное решение. Я имел в виду совещание, которое должно было состояться в г. Владимире, и полагал, что это просто предварительный обмен мнениями перед совещанием». Вероятно, вследствие такой позиции Владыки никто из иосифлян не апеллировал к результатам выборов 1926 г.⁵⁹

Власти хотели услатить подальше от Москвы и Ленинграда твердого в своих убеждениях архиерея. 29 декабря 1926 г. арестованного митрополита доставили в Николо-Моденский монастырь Устюженского района (в 35 верстах от родного города), где в это время обитало всего 10 монахов, с запрещением покидать его. Это была настоящая ссылка. Но, обладая значительным авторитетом и решительным характером, преосвященный Иосиф продолжал управлять Ленинградской епархией через своих викариев – епископа Гдовского Димитрия (Любимова) и епископа Нарвского Сергия (Дружинина)⁶⁰.

Важным переломным рубежом в истории Русской Православной Церкви стали события второй половины 1927 г. 29 июля освобожденный из заключения митрополит Сергей (Страгородский), совместно с членами созданного им Временного Синода, выпустил «Послание к пастырям и пастве» (Декларацию 1927 г.) о лояльности к советской власти, одновременно был допущен контроль ОГПУ над кадровой политикой Московской Патриархии. Такие компромиссы были негативно восприняты многими священнослужителями и мирянами. И ярче всего это недовольство и возмущение проявилось в Ленинграде.

В середине августа духовник Владыки прот. Александр Советов, ей. Гдовский Димитрий, схимонахиня Анастасия (Куликова) и другие клирики северной столицы отправили митрополиту Иосифу послание с выражением своего несогласия с политикой Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. А 17 сентября 1927 г., вероятно, по настоянию ОГПУ, на заседании Временного Синода под председательством митр. Сергия, «по соображениям большей пользы церковной», решено было перевести Владыку Иосифа на Одесскую кафедру.

Этот указ вызвал среди верующих Ленинграда такую бурю возмущения, что даже не сочувствовавший митр. Иосифу церковный историк митр. Иоанн (Снычев) в своей книге отметил: «Когда стало известно, что их любимец и страдалец за веру православную не согласен с решением Синода и открыто выражает свой протест против него, смущение народное достигло

---

⁵⁸ Журавский А.В. Во имя правды и достоинства Церкви. Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского в контексте исторических событий и церковных разделений XX века. М., 2004. С. 252, 258.

⁵⁹ Там же. С. 260, 262.

⁶⁰ Русская Православная Церковь 988-1988. Выпуск 2. М., 1988. С. 40; Мещерский Н.А. На старости я сызнова живу: прошедшее проходит предо мною... Л., 1982. Рукопись. С. 1, 30.

крайних пределов...»; «Сергий и его Синод власти предались и угождают ей безмерно. А того не понимают, что Церковь Православную губят». Сам Владыка Иосиф «воспринял указ – по свидетельству современника – как величайшую несправедливость, как следствие интриги», а с амвонов в Ленинграде открыто говорили, «что митрополит Иосиф переведен неправильно по докладу епископа Николая (Ярушевича), который, очевидно, наклеветал на него». Митрополит Иосиф в письме митрополиту Сергию от 28 сентября тоже видел в перемещении «злую интригу кучки людей», не желавшей, чтобы он пребывал в Ленинграде. Митрополит Иосиф пытался лично повлиять на решение, для чего он – по рассказу архиепископа Алексия (Симанского) – в середине сентября передал в Москве через митрополита Сергия письмо Е. Тучкову, в котором якобы «без должного достоинства... благодарил того за оказанную милость – разрешить выехать из Моденского монастыря, но просил продлить эту милость и дальше – разрешить ему управлять Ленинградской епархией, с которой он сроднился». Однако уже через две недели, преодолев минутную слабость, митр. Иосиф отправил митр. Сергию письмо, где упрекает его и высшую церковную власть «в плачевно-рабском послушании, совершенно чуждом церковному началу»⁶¹.

В своем письме от 28 сентября Владыка Иосиф сообщал об отказе подчиниться указу, как неканоничному, принятому под влиянием посторонних факторов и поэтому пагубно сказывающемуся на церковной организации. В другом, отправленном в начале октября, послании к братии Александро-Невской Лавры митрополит писал: «Сердечно благодарю верную дружину св. Благоверного Великого князя Александра Невского, охраняющую его обитель, за дорогое сочувствие, участие и молитвы о мне, недостойном. Не судил Господь послужить обители Угодника, как хотелось от всей души, но пусть и душевное усердие мое вменится в самое дело. Пусть не моя вина будет в том, что данный мне некогда во сне завет Угодника – “не уходите на покой” – как будто видит свое нарушение. Сам-то я во всяком случае ни о каком покое не прошу и просить не нахожу возможности, никаких других назначений принять не считаю себя вправе, но восторжествовавшей попущением Божиим силе зла противиться лишен силы. А потому смиренно преклоняю свою страждущую главу суду Божию и заступничеству св. Угодника, а Вашей, други мои, любви и молитвенной памяти прошу и впредь. Пусть и один незабвенный день 30 августа 1926 года соединит нас навеки в неразрывный союз взаимной любви и молитвенного общения... О великий ревнитель Православия и славы нашего Отечества! Введи нас не только в твою земную, но и небесную обитель, недоступную никаким козням лукавых слуг зла и врагов Христова мира, правды и имени».

3 октября временно управляющий Ленинградской епархией епископ Петергофский Николай (Ярушевич) доложил Синоду о недовольстве в городе в связи с переводом митрополита. По этому докладу 12 октября было принято постановление, утверждающее прежний указ. Викариям предписывалось прекратить возношение за богослужением имени Владыки Иосифа и подчиниться еп. Николаю. Обо всем этом митрополит узнал из присланной ему выписки, хотя он ожидал или вызова на Синод, или простого письменного ответа на обращение к митр. Сергию. Сам указ митрополит получил только 22 октября, т. е. через месяц после его отсылки, очевидно благодаря соответствующим указаниям ОГПУ. Через три дня еп. Николай официально объявил в Воскресенском соборе «Спас на Крови» о переводе митрополита Иосифа в Одессу.

30 октября митр. Иосиф из Ростова (куда он вернулся в сентябре 1927 г.) в ответ на постановление Временного Священного Синода от 12 октября отправил новое послание с отказом оставить Ленинградскую кафедру, пояснив, «что нестроения в епархии породил тайно оглашенный... приказ о его перемещении, что связь его с ленинградской паствой не искусственная, но основанная на горячей любви к нему пасомых... и, наконец, что послушания “церков-

⁶¹ Антонов В. Указ. соч. С. 50.

ной власти” он оказывать не желает, поскольку сама “церковная власть” находится в рабском состоянии»⁶².

Оценивая поступок Владыки, можно полностью согласиться с утверждением в биографическом справочнике «За Христа пострадавшие»: «Совершенно неосновательны обвинения митрополита Иосифа в раздражительности, корысти и честолюбии, из-за которых он будто бы отказывался от перемещения на Одесскую кафедру. Трудно представить себе большее непонимание его горячего, пылкого сердца. Образно говоря, он шел свидетельствовать Истину и умирать за Христа, что казалось ему единственно возможным и правильным в той ситуации, а его отсылали в тыл, чтобы он не мешал достижению компромисса, воспринимавшегося им как предательство. Побудительными причинами для отказа от Одесской кафедры и разрыва с митрополитом Сергием (Страгородским) были проводимая митрополитом Сергием реформа отношений Церкви с государством и чуждое всякой корысти, дипломатии и политического расчета стремление митрополита Иосифа стоять за Истину до смерти»⁶³.

12 декабря 1927 г. митр. Сергей принял в Москве делегацию, состоявшую из ей. Димитрия (Любимова), прот. Викторина Добронравова и мирян И.М. Андреевского и С.А. Алексева. Они передали Заместителю Местоблюстителю три протестных послания от духовенства и мирян, архиереев и ученых. Беседа, однако, не дала результата – митр. Сергей остался непреклонен, изменить политику и вернуть митр. Иосифа отказался. Горечь ленинградцев была очень велика, и через несколько дней родилось так называемое движение иосифлян. Следует упомянуть, что 12 декабря, при ожидании приема у митр. Сергия, произошла встреча членов делегации с Владыкой Иосифом, который ненадолго приезжал в Москву и познакомился здесь с текстом протестных посланий.

После возвращения делегации в Ленинград ей. Гдовский Димитрий и ей. Нарвский Сергей, взяв на себя инициативу, подписали акт отхода от митр. Сергия (13/26 декабря), «сохраняя апостольское преемство чрез Патриаршего Местоблюстителю Петра, Митрополита Крутицкого». Уже в январе 1928 г. ей. Димитрий объявил митр. Сергия безблагодатным и потребовал немедленного разрыва молитвенного общения с ним. В ответ Заместитель Патриаршего Местоблюстителю и Синод 30 декабря приняли постановление о запрещении в священнослужении отошедших ленинградских епископов Димитрия (Любимова) и Сергия (Дружинина), зачитанное в Никольском Богоявленском соборе епископом Николаем (Ярушевичем). С этого времени Московская Патриархия стала считать неподчинившихся священнослужителей раскольниками⁶⁴.

Решение ленинградских викариев отойти от митр. Сергия было принято самостоятельно, тем не менее, до его официального провозглашения митр. Иосиф благословил готовившийся отход. Во второй половине декабря он писал еп. Димитрию: «Дорогой Владыко!

Узнав от м. А[гафангела] о принятом вами решении, нахожу (после ознакомления со всеми материалами), что другого выхода нет. Одобряю ваш шаг, присоединяюсь к вам, но, конечно, помочь вам более существенно лишен возможности...»⁶⁵ Сам же митр. Иосиф оставался пребывать в молитвенно-каноническом общении с Заместителем Патриаршего Местоблюстителю до февраля 1928 г.

7 января митр. Иосиф в письме в Ленинград вновь одобрил действия своих викариев: «... Для осуждения и обезвреживания последних действий митр. Сергия (Страгородского), про-

---

⁶² Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917–1945. Париж, 1977. С. 135.

⁶³ За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь 1917–1956. Кн. 1: А-К. М., 1977. С. 521.

⁶⁴ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве Высшей Церковной власти 1917–1943. М., 1994. С. 565.

⁶⁵ Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия – «Григорианский», «Ярославский», «Иосифлянский», «Викторианский» и другие. Их особенности и история. Сортавала, 1993. С. 171.

тивных духу и благу Св. Христовой Церкви, у нас, по нынешним обстоятельствам, не имеется других средств, кроме как решительный отход от него и игнорирование его распоряжений»⁶⁶.

Следует отметить, что Владыка с самого начала не был реальным руководителем движения, называвшегося его именем. Согласно протоколам его допросов (от 22, 30 сентября и 9 октября 1930 г.) митрополит говорил: «После назначения меня на Одесскую кафедру, я первое время хотел уйти на покой от всех дел, но в это время в Ленинграде появилась группа духовенства во главе с епископами Дмитрием (Любимовым), Сергием (Дружининым), священниками – называть в отдельности отказываюсь, – а главным образом, многочисленное количество верующих стало просить меня и потребовало остаться их руководителем, Ленинградским митрополитом, обещая мне, что они меня не будут ни в чем беспокоить, а сидеть в ссылке в Моденском монастыре и только быть их духовным руководителем. Первое время так и было... Постепенно я был втянут в церковный водоворот, и приходилось так или иначе реагировать на те события, которые развернулись вокруг этой новообразованной церковной группы. Дело мое, по которому я привлекаюсь, как мне представляется, зиждется на мнении обо мне как лидере особого течения в нашей Церкви, возникшего четыре года назад в связи с Декларацией митрополита Сергия, грубо нарушившего, по убеждению верующих, глубочайшие основы строя церковной жизни и управления. Это течение совершенно несправедливо окрещено “иосифлянами”, каковую несправедливость указывает и сам митроп. Сергий в переписке его с митрополитом Кириллом. Гораздо основательнее оно должно быть названо вообще “антисергианским”... Самое течение нашей группы возродилось на благоприятной почве злоупотреблений митрополита Сергия и независимо от каких бы то ни было личностей вызвало одновременно повсюду соответствующе сильную реакцию в церковных кругах без всякого моего участия и влияния. Более того, я сам значительно позднее втянут был в это течение, и не оно шло и идет за мною, а скорее я плетусь в хвосте за ним, не сочувствуя многим его уклонам вправо и влево. И если бы даже уничтожить вовсе меня и мое участие в этом движении, оно безостановочно шло бы и пойдет дальше без малейшей надежды на полное искоренение... Никакими репрессиями со стороны Сов. власти наше движение не может быть уничтожено. Наши идеи, стойкость в чистоте Православия пустили глубокие корни. Ложь митрополита Сергия в его интервью о том, что церкви закрываются по постановлениям верующих, очевидна каждому, даже неграмотному крестьянину... Не имея на местах духовного руководителя, с разных городов и местностей СССР приезжали к епископу Дмитрию за руководством, некоторые, возвращаясь с Ленинграда, заезжали ко мне, так просто повидать, так как по всем вопросам они получали руководство от епископа Дмитрия... Обращавшихся ко мне с теми или иными вопросами я направлял к епископу Дмитрию, прося его разрешить все вопросы...»⁶⁷

Верность Заместителю Патриаршего Местоблюстителю сохранили лишь два ленинградских епископа: Николай (Ярушевич) и Сергей (Зенкевич). Четверо из восьми архиереев заняли двойственную позицию. Они не присоединились к оппозиции ей. Димитрия, однако не поминали в богослужениях имени митр. Сергия. Так, наместник Александро-Невской Лавры ей. Григорий (Лебедев), пользуясь древним правом ставропигии, которое имела Лавра, никому не подчинялся и поминал лишь Патриаршего Местоблюстителя митр. Петра. Некоторое время так же поступали архиеп. Гавриил (Воеводин) и епископы Серафим (Протопопов) и Стефан (Вех).

2 февраля 1928 г. по поручению Синода митрополита Иосифа в Ростове посетили архиепископ Вологодский Сильвестр и архиепископ Самарский Анатолий. Им Владыка сделал

⁶⁶ Регельсон Л. Указ. соч. С. 447, 448.

⁶⁷ См.: Осипова И.И. История «Истинно-Православной Церкви» по материалам следственного дела // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института: Материалы 1992–1996 гг. М., 1996. С. 375–376; «Я иду только за Христом...» Митрополит Иосиф (Петровых), 1930 год / Публ. А. Мазырина // Богословский сборник ПСТБИ. 2002. № 9. С. 376–424.

заявление об отделении от митрополита Сергия (Страгородского), а 24 января/6 февраля официально подписал акт отхода от митр. Сергия в составе группы архиереев Ярославской епархии. В этот же день появилась его резолюция о согласии возглавить отделившихся от митр. Сергия в Ленинградской епархии: «Митрополит Ярославский Агафангел с прочими епископами Ярославской церковной области отделились также от митр. Сергия и объявили себя самостоятельными в управлении вверенными им паствами, к чему я присоединил свой голос. По сему благому примеру нахожу благовременным открыто благословить подобное же правильное отделение части ленинградского духовенства со своими паствами. Согласен на просьбу возглавить это движение своим духовным руководством и молитвенным общением и попечением; готов не отказать в том же и другим, желающим последовать доброму решению ревнителей Христовой Истины. Молю Господа, да сохранит всех нас в единомыслии и святой твердости духа в переживаемом Церковью новым испытании»⁶⁸.

В новом послании к ленинградской пастве от 8 февраля митр. Иосиф сообщил о переходе на самоуправление митр. Агафангела (Преображенского) и трех его викариев, а также что он, приняв в этом участие, признает тем самым прежние распоряжения митр. Сергия и его Синода не имеющими силы, требует канонически правильного решения судом епископов вопроса о переводе и до этого суда не считает себя вправе предоставлять вверенную ему паству произволу церковных администраторов, не пользующихся доверием; поручает временное управление епархией ей. Димитрию и просит ей. Григория в качестве его наместника продолжать управление Александро-Невской Лаврой, призывая возносить свое имя за богослужением, несмотря на невозможность для него приехать в Ленинград⁶⁹.

Особенно ярко и аргументированно Владыка Иосиф высказал свою церковную позицию в февральском 1928 г. письме к известному ленинградскому архимандриту Льву (Егорову): «Дорогой отче! До последнего времени я думал, что мой спор с Митрополитом Сергием окончен и что, отказавшись дать принести себя в жертву грубой политике, интриганству и проискам врагов и предателей Церкви, я смогу отойти спокойно в сторону, добровольно принеся себя в жертву протеста и борьбы против этой гнусной политики и произвола. Я был совершенно искренен, когда думал и говорил, что “ни на какой раскол я не пойду и подчинюсь незаконной расправе со мной – вплоть до запрещения и отлучения, уповая на одну правду Божию”. Но оказалось, что жизнь церковная стоит не на точке замерзания, а клокочет и пенится выше точки простого кипения. Мое маленькое “дело” вскоре оказалось лишь малой крупницей столь чудовищного произвола, человекоугодничества и предательства Церкви интересам безбожия и разрушения этой Церкви, что мне осталось удивляться отселе не только одному своему покою и терпению, но теперь уже приходится удивляться и равнодушию и слепоте тех и других, которые еще полагают, что попустители и творцы этого безобразия творят дело Божие... Может быть, я терпел бы и это. Моя-де хата с краю, как теперь Ваша. Но, дорогой Отче, я вдруг с особой болью стал чувствовать себя в значительной мере ответственным за нечестия Церкви. Ведь как Вам небезызвестно, я один из

Заместителей Патриаршего Местоблюстителя, который связан страдальческим долгом не просто заменить арестованного предшественника, но быть ему и свободным предостережением на случай замены при возможности его духовного падения... Погодите, придет – мы надеемся – время, когда будут говорить о наших событиях и перед судом. И кто тогда будет более обвиняемым, еще большой вопрос. А пока дело обстоит так: мы не даем Церкви в жертву и расправу предателям и гнусным политиканам и агентам безбожия и разрушения. И этим протестом не сами откалываемся от Нее, а их откалываем от себя и дерзновенно говорим: не только не выходили, не выходим и никогда не выйдем из недр истинной Православной Церкви,

---

⁶⁸ Польский М., протопресвитер. Новые мученики российские. Т. 2. Джорданвилл, 1957. С. 8.

⁶⁹ Там же. С. 8–9.

а врагами Ее, предателями и убийцами Ее считаем тех, кто не с нами и за нас, а против нас. Не мы уходим в раскол, не подчиняясь Митр. Сергию, а вы, ему послушные, идете за ним в пропасть Церковного осуждения. Мы зовем вас и укрепляем ваши силы на борьбу за независимость Церкви, только совсем не так, как вы полагаете должным: не согласимся с поработителями этой Церкви и убийцами Ее святой независимости, выявляющейся сейчас в Ее святом бесправии, а громким и решительным протестом против всякого соглашательства, лицемерных и лживых компромиссов и предательства Ее интересов интересам безбожного мракобесия и ожесточенной борьбы со Христом и его Церковью... Не судите же меня строго и четко усвойте следующее:

1. Я отнюдь не раскольник и зову не к расколу, а к очищению Церкви от сеющих истинный раскол и вызывающих его.

2. Указание другому его заблуждений и неправоты – не есть раскол, а, попросту говоря, введение в оглобли разнуздавшегося коня.

3. Отказ принять здравые упреки и указания есть действительно раскол и попрание истины.

4. В строении церковной жизни участники – не одни только верхушки, а все Тело Церковное, и раскольник тот, кто присваивает себе права, превышающие его полномочия, и от имени Церкви дерзает говорить то, что не разделяют остальные его собратия.

5. Таким раскольником показал себя митр. Сергей, далеко превысив свои полномочия, и отвергнув, и презрев голос многих других святителей, в среде коих и сохраняется чистая истина»⁷⁰.

Следует упомянуть, что в начале февраля к митр. Иосифу в Ростов ездили из северной столицы влиятельные протоиереи Василий Верюжский и Иоанн Никитин с целью взять благословение Владыки на отход от митр. Сергия и продолжение священнослужения, несмотря на запрещение заместителя местоблюстителя. Кроме того, к митрополиту Иосифу приезжал профессор М.А. Новоселов с письмом от епископа Димитрия (Любимова), который просил Владыку стать каноническим главой нового, идущего против Сергиевской декларации течения.

Митр. Иосиф, взяв на себя руководство отделившимися от митр. Сергия, пытался объединить ярославскую группу с ленинградскими иосифлянами, но митрополит Агафангел решил управлять самостоятельно, без какого бы то ни было слияния с другими оппозициями, а уже 16 мая 1928 г. частично примирился с митр. Сергием. Пик влияния иосифлян пришелся на первую половину 1928 г., тем не менее далеко не все «непоминающие» открыто присоединились к ним⁷¹.

За акт официального отделения от митр. Сергия власти из Ростова, где Владыка Иосиф проживал с сентября предыдущего года, заменяя поначалу отсутствующего архиерея, 29 февраля 1928 г. выслали его обратно в Николо-Моденский монастырь. Это существенно осложнило руководство набиравшим силу иосифлянским движением или – как его позднее стали называть – Истинно-Православной Церковью. Данный термин ввел сам митрополит Петроградский, употребив его в 1928 г. в одном из своих писем. По пути в Николо-Моденский монастырь Владыка Иосиф «по делу ликвидации личного имущества» заезжал в Ленинград, где, согласно сообщению местного Полномочного Представительства ОГПУ, «убеждал всех крепко стоять за него, ни в каком случае не каяться перед митрополитом Сергием (наоборот, говорил Иосиф, митрополит Сергей должен перед нами каяться). “Пусть я буду сослан, казнен, – говорил Иосиф, – но не покину тех, кто идет за мной»⁷².

---

⁷⁰ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области, ф. 9323, оп. 2, д. П-24705, т. 7, лл. 83–84.

⁷¹ Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999. С. 19.

⁷² «Сов. секретно. Срочно. Лично. Тов. Тучкову» и не только ему. Донесения из Ленинграда в Москву, 1928–1930 годы / Публ. А. Мазырина // Богословский сборник ПСТБИ. 2003. № 11. С. 336.

Согласно другому свидетельству агентов ОГПУ, во время посещения Ленинграда Владыка дал своим сторонникам указания: «Двадцатки создавать из надежных, проверенных лиц, отрицательно относиться к лицам, приходящим в организацию из обновленцев и сергиевцев, так как оттуда возможна провокация»⁷³.

Стремясь овладеть ситуацией, митр. Сергей 10 февраля назначил в «северную столицу» митрополита Серафима (Чичагова), что, однако, не погасило страсти. Новый архиерей захотел поставить перед Тучковым в качестве условия своего приезда в Ленинград «недопущение туда митр. Иосифа». Наконец, Синод прибег к более жестким мерам и своим решением от 27 марта уволил с кафедр и запретил в священнослужении митр. Иосифа и единомысленных с ним епископов. По словам митр. Иоанна (Снычева), «все указанные архиереи... решительно пренебрегли запрещением и продолжали служить и управлять епархиями». В середине апреля митр. Иосиф письмом просил Е. Тучкова снять с него обвинения и допустить в Ленинград. Это была его последняя попытка апелляции к властям⁷⁴.

Епископ Димитрий (Любимов), ставший после ссылки митр. Иосифа в феврале 1928 г. практическим руководителем движения, был признан в этом качестве многими противниками митр. Сергия. Весной 1928 г. он лично окормлял иосифлянские приходы на Северо-Западе России, частично на Украине, Кубани, в Ставрополье, Московской, Тверской, Вятской, Витебской и др. епархиях. А в январе 1929 г. Владыка Иосиф возвел своего викария в сан архиепископа. Вскоре митрополиту стало ясно, что для завоевания высшей церковной власти в существующей Патриаршей Церкви нужна сплоченная, хорошо организованная сила. Он даже хотел провозгласить себя Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, но ей. Димитрий отговорил Владыку от подобного шага⁷⁵.

До тех пор, пока митр. Иосиф жил в Николо-Моденском монастыре, с ним можно было поддерживать регулярные и обширные контакты. К Владыке постоянно ездили курьеры, привозившие ему известия о событиях, указы на подпись, материальную помощь и увозившие с собой практические указания, письма, разъяснения и архипастырские советы. Так, в материалах следственного дела архиеп. Димитрия и его сподвижников, 1930 г., сохранилось несколько писем митрополита прот. Николаю Прозорову. В одном из них летом 1928 г. Владыка писал: «Возможности возвращения в Ленинград я не верю и этим не ослабляюсь, а даже укрепляюсь больше в решимости стоять за правое дело. Чем меньше тут моего личного благополучия и заинтересованности, тем лучше для дела».

Еще более выразительно другое письмо о. Николаю (также 1928 г.): «Принеся себя в жертву за всех вас, я всецело в вашей зависимости. Ваша верность, твердость и ревность – моя жизнь, сила и спасение. Ваша измена, расслабление и равнодушие – моя гибель, мое поражение и уничтожение. Некто из нынешних сказал: “Народ пойдет за “белым клубуком”. Личность тут ни при чем...” Жизнь должна испробовать этот взгляд на деле. Если “легализовавшиеся” восторжествуют всецело, как уронится этим “народ”! Если же этого не случится, как он поднимется и еще в наших страдальческих глазах! Мы убедимся тогда, что стоило страдать за этот народ, и не тяжки будут за него эти страдания». А в одном из писем 1929 г. митрополит писал протоиерею: «Знакомы ли Вы с “Беседой двух друзей”?»

Это интересная вещь. Говорят, она была в Питере. Познакомлю Вас со свежими событиями моего уединения. По счастливой случайности свидетельницей их оказалась мать Анастасия, которая дополнит, пояснит Вам многое, чего не уместить на страницах бумаги...»

Особый интерес представляет обращение прот. Н. Прозорова с просьбой ответить на вопросы, выдвинутые пастырями Пензенской епархии из присоединившихся к иосифлянам

---

⁷³ АУФСБ СПб Л О, ф. арх. – след. дел, д. П-78806, т. 2, л. 483.

⁷⁴ Антонов В. Указ. соч. С. 51.

⁷⁵ Польский М. Указ. соч. Т. 2. С. 2.

приходов, и ответы митр. Иосифа от 22 февраля 1929 г. Сергианских священников Владыка предлагал принимать в сущем сане (в случае хиротонии без нарушения церковных правил) с покаянием и епитимией в виде временного воздержания от священствования от двух недель до месяца. На вопрос же, нужно ли помазывать ев. миром крещеных обновленцев и сергиан, митрополит ответил: «Обновленческих – да, помазывать ев. миром, но сергианских – пока нет! ибо они – сергиане по недоразумению, в стадии происходящего еще разрешения этого дела»⁷⁶.

Первые два года ссылки надзор не был очень строгим и не сильно ограничивал жизнь митр. Иосифа в обители. Он жил в келлии со спальней, окна которой выходили во двор на храм, принимал приезжавших и паломников, духовных детей, родственников, многочисленных посетителей. Добраться до монастыря летом можно было лишь пароходами «Гаршин» и «Златовратский». В ссылке Владыка развел сад и выращивал даже розы. С детства привычный к любому труду, с истинно народной смекалкой и умением он научился чинить часы, чем зарабатывал на пропитание. Служить в трех храмах обители митр. Иосифу позволяли по великим праздникам. Но в сентябре 1929 г. две церкви, находившиеся в ограде монастыря, были закрыты, а часть насельников привлекли к суду.

В декабре 1929 г. после обыска и допроса в монастыре агентами ОГПУ, вызванного отлучкой Владыки в Ростов, митрополит составил рукопись, в которой бесстрашно обличал богоборцев: «Толковать с Вами – самое бесполезное и безнадежное дело. Мы никогда не столкнемся. Вы никогда не сделаете того, чего я хочу. Я никогда не сделаю того, что Вам нужно. Вам нужно уничтожение Христа, мне – Его процветание... По-вашему, мы – мракобесы, по-нашему вы – настоящие сыны тьмы и лжи... Вам доставляет удовольствие издеваться над религией и верующими, таскать по тюрьмам и гонять по ссылкам ее служителей. Нам кажется величайшей дикостью, позором из позоров XX века ваши насилия над свободой совести и религиозными убеждениями человечества... мы готовы на все мучения, но правды Христовой никогда не принесем в жертву осмеянию и мракобесию безбожия»⁷⁷.

Владыка Иосиф был арестован агентами Череповецкого ГПУ в своей келлии в Николо-Моденском монастыре 9 сентября 1930 г., перевезен сначала в ленинградский Дом предварительного заключения на Шпалерной ул. (ДПЗ), где больше трех месяцев подвергался усиленным допросам следователем Макаровым, а затем в конце декабря 1930 г. – в Москву, во внутреннюю тюрьму ОГПУ. На допросах архипастырь смело говорил о своих убеждениях и резко критиковал политику митр. Сергия и его сторонников: «Когда попытки сговориться с митроп[олитом] Сергием и склонить его на некоторые важные уступки, выраженные тогда в особом протесте, в составлении которого участвовал Абрамович-Барановский, остались тщетными, недовольные Сергием решили прервать с ним общение как с администратором и управляться в своей общине самостоятельно с зарегистрированными при храме Воскресения на Крови духовными руководителями, митрополитом Иосифом и епископом Дмитрием, которому и были мною переданы соответствующие полномочия.

Никакого другого оформления политического или церковного эта оппозиция не имела и не имеет, ограничивая себя чисто церковной деятельностью, чуждой гражданской политики, и вначале только лишь в тесном кружку одной общины, к которой вскоре же, однако, примкнул целый ряд др[угих] общин, как в самом Ленинграде, так и в других местностях Союза. Все эти общины объединялись одним духом протеста против антиканонических деяний митрополита Сергия и никакой документальной программы, общей и обязательной для всех, не имели. Их неписанный лозунг был – совершенное отрешение от светской политики в сторону только цер-

---

⁷⁶ Антонов В. Петроградские священномученики протоиерей Сергей Тихомиров и отец Николай Прозоров // Возвращение. 1996. № 1 (9). С. 19–20; АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. – след. дел, д. П-78806, т. 2, л. 483, т. 4, лл. 106–111.

⁷⁷ Жития и жизнеописания новопрославленных Святых и Подвижников Благочестия, в Русской Православной Церкви просиявших (от царствования царя-мученика Николая II Александровича и до наших дней). СПб., 2001. С. 423–424; «Я иду только за Христом...» С. 387.

ковного дела. Целью было одно: религиозное утешение верующих в богослужениях по строго церковному, чуждому всяких новшеств чину, и как содействующее этому – устройство церковной жизни на строго церковных началах, выработанных правилами Вселенских Соборов, ближе пододвинутыми к условиям современной жизни постановлениями Поместного Собора 1917 года.

Мы до сих пор не знаем, за что сидят в ссылке митр[ополиты] Петр, Кирилл и др[угие] и все увеличиваются сроки их пребывания в ссылке, однако митрополит Сергей в своей Декларации осудил все духовенство и Церковь в нелояльности к Советской] власти. Радости Советской] власти не могут быть нашими общими радостями. Советская власть получает удовлетворение закрытием той или иной церкви, мы можем только иметь скорбь и не можем радоваться. В программе Советской] власти на первом месте поставлена борьба с религией как опиумом для народа, мы же считаем и всякое преследование духовенства и верующих преследованием религии и только можем выражать скорбь.

Как глава Церкви, прежде чем осудить заграничное духовенство, митрополит Сергей должен был учинить формальный церковный суд. И как глава Церкви он был не вправе в своей Декларации осудить огульно все духовенство. За политику церковный суд не судит, это дело гражданского суда. Связь с митр[ополитами] Петром, Кириллом, Агафангелом и другими лицами вначале была совершенно неощутительна. О митр[ополитах] Петре и Кирилле сергианцы даже пускали слухи, что они осуждают это новое течение, пускали в оборот письма, якобы с их одобрениями, чем смущали и колебали многих. Лично я получил письмо от митроп[олита] Серафима Чичагова, где он призывал меня образумиться, ссылаясь на то, что и митроп[олит] Кирилл, и все виднейшие иерархи на их стороне. В дальнейшем оказалось, что это была ложь, которая еще более оттолкнула от пользующихся столь негодными средствами...»

При этом митр. Иосиф также категорически опровергал попытки властей приписать иосифлянскому движению характер подпольной контрреволюционной организации: «Распространение антисергианских документов, в которых задевалась и Советская] власть, преступлением не считаю, этими документами мы критиковали слова и дела митрополита Сергея, его лакейский подход к Советской] власти в его церковной политике... Мне часто приходилось слышать “благие советы”: то идти за одним, то за другим. Зачем же непременно нам нужна человеческая кабала? Я иду только за Христом, по разумению своего какого ни на есть разума, и этого с меня довольно».

Митрополиту были предъявлены два основные обвинения – в руководстве контрреволюционной организацией и в создании монархическо-церковной группы. Оба они были Владыкой отвергнуты в заявлении на имя Ленинградского областного прокурора, поданном 15 ноября 1930 г. через начальника Ленинградского ДПЗ. 3 сентября 1931 г. митр. Иосиф по делу Всесоюзного центра «Истинное Православие» был приговорен Коллегией ОГПУ к 5 годам концлагеря с заменой высылкой в Казахстан на тот же срок⁷⁸.

В Ленинграде разгром сторонников митрополита Иосифа начался массовыми арестами в ноябре 1929 г. 17 ноября 1930 г., в ходе очередной атеистической кампании, был закрыт собор «Спас на Крови». Еще несколько крупных судебных процессов прошли над иосифлянами в 1931–1933 гг. Последний же легальный храм движения – Пресвятой Троицы в Лесном – перешел в Патриаршую Церковь только в 1943 г.

Митрополит Иосиф с 12 сентября 1931 г. жил в ссылке в г. Чимкенте Казахской ССР. В начале октября 1933 г. он послал ходатайство о досрочном освобождении по старости и болезни возглавлявшей Политический Красный Крест Е.П. Пешковой. Однако в конце ноября митрополита неожиданно конвоировали в г. Аулие-Ата, где, продержав 17 дней в заключении, объявили, что вскоре отправят отбывать срок ссылки в отдаленную дикую местность Нижний

---

⁷⁸ ЦГА СПб., ф. 7179, оп. 10, д. 290, лл. 447–470; «Я иду только за Христом...» С. 392, 396, 397, 424.

Талас. Затем, в ожидании подходящего транспорта, местная милиция выпустила Владыку временно жить на частной квартире в Аулиэ-Ате, и он 19 декабря отправил второе письмо Е.П. Пешковой с просьбой:

«1) Походатайствовать пред самим ВЦИКом о немедленном досрочном моем освобождении (на правах частной амнистии), так как силы и здоровье мое окончательно подорваны пережитыми ужасами голодовки и кошмарного заключения, и я сейчас еле держусь на ногах.

2) Если это ходатайство почему-либо не может быть удовлетворено, то нельзя ли разрешить оставшийся срок отбывать в одном из русских городов или селений где-либо около Вологды, Рыбинска или Костромы, как ближайших к месту моей родины (гор. Устюжна, в 200 верстах от Вологды), где, вблизи родных, я мог бы получать некоторую помощь, в которой чрезвычайно нуждаюсь»⁷⁹.

Пешкова смогла помочь митрополиту лишь частично, его не освободили и оставили в Казахстане, но разрешили вернуться в Чимкент (некоторое время митр. Иосиф работал бухгалтером на медном комбинате). В доме, где проживал Владыка, был устроен небольшой алтарь, и он ежедневно служил литургию. Митрополит постоянно поддерживал отношения с другими ссыльными противниками Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и принимал посланцев из разных областей страны.

9 апреля 1935 г. митр. Иосиф был освобожден из ссылки, но оставлен на проживание в Казахстане (г. Мирзоян-Джамбул, ныне г. Тараз, ул. Рувимская, 43) без права выезда. Владыка совершал тайные службы в некоторых нелегальных общинах иосифлян, существовавших в различных населенных пунктах Казахстана. По свидетельству очевидцев, одна из таких подпольных церквей действовала в 1936–1937 гг. в Алма-Ате: «Архим. Арсений был рукоположен митрополитом и имел счастье содержать его материально... У него была глубоко под землей церковь, и он и митрополит Иосиф служили в ней. Митрополит и освятил ее секретно, изредка приезжая в Алма-Ату... Архим. Арсений устроил ему комнату для спокойной жизни, заботился о его еде, не только в сытости, но и соблюдением диеты. Достал ему сперва цитру, затем и фисгармонию, что для митрополита, большого музыканта, было радостью. Он перекладывал псалмы на музыку и пел. 23 сентября 1937 г. было арестовано везде, в окрестностях Алма-Аты, по Казахстану, все духовенство потаенных иосифлянских церквей, отбывавших вольную ссылку за непризнание “советской церкви”... Подземная церковь о. Арсения была открыта. По неосторожности он однажды открыл ее тайну одному с виду почтенному и пожилому человеку, который оказался чекистом...» Митрополит Иосиф осенью 1935 г. рукоположил во иеромонаха и позднее посвятил в сан архимандрита и подарил свою митру приезжавшего к нему в Мирзоян монаха Арсения (Корди). Пещерную церковь в Алма-Ате под домом на Транспортной ул., 44 Владыка освятил осенью 1936 г. и несколько раз тайно служил в ней⁸⁰.

Участница описываемых событий М.П. Бузина вспоминала: «Митрополит Иосиф был очень высокого роста, все же два раза при мне приезжал сюда и проникал в эту церковь, создавалось особое молитвенное настроение, но не скрою, что страх быть обнаруженным во время богослужения, особенно в ночное время, трудно было побороть. Когда большая цепная собака поднимала лай во дворе, хотя и глухо, но все же было слышно и под землей, то все ожидали окрика и стука НКВД. Молились мы в пещере с осени 1936 г.» Близкий духовный сын Владыки Иосифа тайный архимандрит Арсений (в миру Борис Григорьевич Корди), работавший художником-оформителем в Республиканском историческом музее, после ареста был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян 16 ноября 1937 г. в Алма-Ате⁸¹.

---

⁷⁹ Сообщено родственником митр. Иосифа М.С. Сахаровым.

⁸⁰ Польский М. Указ. соч. Т. 2. С. 1, 4.

⁸¹ Катакомбная церковь в Алма-Ате // Веди. 2001. № 3–4. С. 12–14.

С января 1937 г. митр. Иосиф состоял в переписке с проживавшим в Чимкенте священномучеником митрополитом Казанским Кириллом (Смирновым), взгляды которого к тому времени претерпели заметную эволюцию. Первоначально митр. Кирилл занимал среди других «непоминающих» довольно мягкую позицию по отношению к митр. Сергию. Однако в ссылке он сблизился с иосифлянами и в письме к иеромонаху Леониду от 8 марта 1937 г. писал об «обновленческой природе сергианства», а также подчеркивал: «С митрополитом Иосифом я нахожусь в братском общении, благодарно оценивая то, что с его именно благословения был высказан от

Петроградской епархии первый протест против затеи м. Сергия и дано было всем предостережение в грядущей опасности»⁸². Переписка митрополитов велась через архимандрита Арсения (Корди), ссыльных священников Ветчинкина и Григория Сеницкого.

По рассказам племянницы Нины Алексеевны Китаевой, Владыка Иосиф жил на окраине Чимкента, на Полторацкой улице, около арыка, за которым простиралась нераспаханная степь. В небольшом казахском глинобитном доме он занимал комнату с верхним светом, обставленную очень скромно: в ней стоял грубо сколоченный стол, топчан, на котором спал митрополит, и пара стульев. Вставал Владыка в шесть утра и каждое утро один служил за аналоем, на который ставил небольшой резной складень. Кончив службу, он шел на базар за покупками, завтракал, немного отдыхал и садился читать. Книги ему присылали или давали местные ссыльные. Часто из России приходили с оказией посылки или деньги, поэтому митрополит жил не нуждаясь. Легального храма в городе не было. Ссыльные Владыку посещали редко, и беседовал он с ними, прогуливаясь в степи. Письма, как правило, присылались и отправлялись с доверенными людьми, наезжавшими в Чимкент. Хозяйство митрополита в 1931–1937 гг. вела монахиня Мария (в миру Мария Ивановна Коронатова), бывшая учительница в Устюжне, последовавшая за ним в ссылку и разделившая его судьбу. После ареста Владыки она также была схвачена агентами НКВД, в ноябре 1937 г. приговорена к 10 годам лагерей и в 1942 г. скончалась в заключении – в сельскохозяйственной колонии № 9 на ст. Чамолган Туркестано-Сибирской железной дороги⁸³.

Точная дата кончины архипастыря долго не была известна. Существует опубликованное свидетельство его племянницы Китаевой, что летом 1938 г. она с пятилетним сыном навещала Владыку в Чимкенте, и, таким образом, он погиб не раньше осени 1938 г.⁸⁴ Но человеческой памяти свойственно со временем ослабевать, что, видимо, произошло и в этом случае. Ставшие теперь доступными документы следственного дела не оставляют места для сомнений.

Митрополит Иосиф был арестован 24 июня 1937 г. Мирзояновским районным отделом НКВД в г. Мирзояне и помещен в тюрьму г. Чимкента. При обыске у Владыки были изъяты: переписка (121 лист), фотографии, большое количество церковной литературы и 7 тыс. рублей, якобы предназначенных на контрреволюционную деятельность. Во время обыска митрополит вел себя спокойно и с достоинством, на предъявленном ему ордере Владыка написал: «Ордер читал и недоумеваю, почему нет санкции прокурора». По делу так называемого «Всероссийского контрреволюционного центра» вместе с митрополитом Иосифом проходили митрополит Кирилл (Смирнов) и епископ Евгений (Кобранов), также арестованные 24 июня. Всего же «за участие» в якобы возглавляемой ими «контрреволюционной организации церковников» были схвачены 64 человека. Владыка Иосиф дважды подвергался допросам – 14 и 23 июля. На первом допросе, несмотря на вероятные жестокие пытки (что было обычной практикой в то время), он признался только в том, что «возглавлял нелегальную религиозную организацию», а обвинение в антисоветской деятельности отверг. Протокол же второго допроса, из которого

⁸² Справка Комитета национальной безопасности Республики Казахстан № 10/1-С-П от 9 апреля 1997 г.

⁸³ Антонов В. Священномученик митрополит Иосиф в Петрограде. С. 52.

⁸⁴ В 1938 году он был еще жив... // Возвращение. 1993. № 1. С. 26.

следует, что митрополит будто бы признал вину в контрреволюционной деятельности, резко отличается казенной стилистикой ответов от первого и, несомненно, представляет собой фальсифицированный документ. Вероятно, подложной является и подпись Владыки под ним, так как совершенно непохожа на первоначальную. От подписи в предъявленном ему обвинении митр. Иосиф отказался, и следователь был вынужден написать за него – «контрреволюционер»⁸⁵.

В сфабрикованном обвинительном заключении от 19 ноября 1937 г. говорилось: «Петровых Иосиф являлся заместителем Смирнова К. и, в случае ареста последнего, Петровых должен был возглавить к[онтр]р[еволюционную] деятельность организации. Помимо этого, Петровых проводил работу по концентрации к[онтр]р[еволюционных] сил церковников вокруг контрреволюционной организации, вел новую вербовку членов и организовывал к[онтр]р[еволюционные] ячейки на местах... На территории Южно-Казахстанской области непосредственно им организована в г. Чимкенте контрреволюционная ячейка из б[ывших] адм[инистративно]ссылных попов и монашек, которая находилась под личным его руководством и члены которой репрессированы за контрреволюционную деятельность и осуждены. Для развертывания контрреволюционной деятельности среди населения им был завербован в г. Чимкенте авторитетный религиозник Руднев Николай, который готовился на руководящую контрреволюционную работу в одну из контрреволюционных ячеек»⁸⁶.

Во время пребывания в чимкентской тюрьме Владыки Иосиф и Кирилл имели возможность довольно частого общения. По свидетельству одного из репрессированных московских священников, «когда митрополитов Кирилла и Иосифа выпускали ежедневно на прогулку, то они всегда гуляли рядом, причем митрополит Иосиф был высокого роста, а, сравнительно с ним, коренастый митрополит Кирилл был маленького роста. Митрополиты, гуляя по кругу, всегда были заняты сосредоточенной беседой, очевидно, здесь, на открытом воздухе, их нельзя было подслушать. А за прогулкой митрополитов всегда следили с горы катакомбницы-монахини. Это было небезопасно. Надо было маскироваться, чтобы власти не заметили всей тайной сигнализации. А она сводилась к тому, что митрополиты давали им свое благословение в начале и в конце прогулки. Эту подробность я слышал от жителей Чимкента и в заключении, и на воле. Сейчас уже не осталось и следа от того домика, в котором содержались иерархи-исповедники. Его снесли, когда заметили, что это место пользуется особым почитанием со стороны верующих...»⁸⁷

Заседанием Тройки Управления НКВД по Южно-Казахстанской области от 19 ноября 1937 г. митрополиты Иосиф и Кирилл (и с ними епископ Евгений) были приговорены к высшей мере наказания. Эти два духовных столпа Русской Церкви прославили Христа Бога своей мученической кончиной вечером накануне «Собора святого Архистратига Михаила и прочих Безплотных Сил». 7/20 ноября 1937 г. их расстреляли и похоронили в местности, называемой Лисья Балка, под Чимкентом.

В эту ночь был проведен массовый расстрел священнослужителей и мирян, отбывавших ссылку в Южно-Казахстанской области. «Их вывели большой группой, около ста пятидесяти человек. Все – катакомбное духовенство, митрополитов с ними не вели. Их доставили позже машиной прямо на место расстрела... Здесь вся группа попросила взаимно друг у друга прощения. Все дали друг другу (кто успел) последнее целование. Митрополиты преподали всем благословение и “напутствие”. И, несмотря на строгость, все же оказался один свидетель расправы. Это был чабан, пастух овец, и он видел, как люди эти пали под пулями. Он свидетель-

⁸⁵ Журавский А.В. Указ. соч. С. 359–360; Архив Департамента Комитета национальной безопасности Республики Казахстан по Южно-Казахстанской области, ф. 1, д. 723, лл. 48–53.

⁸⁶ Там же, л. 157–162; Журавский А.В. Указ. соч. С. 601–613.

⁸⁷ Церковь Катакомбная на земле Российской // Православная жизнь. 2002. № 10. С. 17.

ствовал, что среди расстрелянных был один “большой мулла”. Это, несомненно, сказано о митрополите Иосифе, который выделялся своим огромным ростом...»⁸⁸ Из расстрелянных вместе с Владыкой новомучеников восемь были причислены на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 г. к лику святых.

Так закончился земной путь Владыки Иосифа. Но память о нем благоговейно хранят тысячи верующих – выходят статьи, снимаются документальные фильмы. Жизнь митрополита, человека бескомпромиссного и непреклонного, принявшего узы Христовы и смерть, вызывает в памяти слова Спасителя: «Верный в малом и во многом верен». Вместе с православным русским народом в жестокое время он испил чашу страданий и унижений до дна. Ныне Владыка Иосиф предстоит пред Престолом Божиим вкупе с другими мучениками, на крови которых создается слава Церкви.

---

⁸⁸ Там же. С. 18.

Архиепископ Гдовский Димитрий (Любимов)

Архиепископ Димитрий (Любимов). Конец 1920-х гг.

Один из создателей и фактический руководитель иосифлянского движения в первые два года его существования Владыка Димитрий (в миру Дмитрий Гаврилович Любимов) родился 15/28 сентября 1857 г. в г. Ораниенбауме Петергофского уезда Санкт-Петербургской губернии в семье митрофорного протоиерея Гавриила Марковича Любимова (1820–1899), сподвижника св. о. Иоанна Кронштадтского. Отец Гавриил был известен как устроитель целого ряда богоугодных заведений, щедрый благотворитель, талантливый законоучитель и проповедник, а также храмоздатель, выстроивший 96 храмов в различных губерниях России. В честь него в начале XX века одна из улиц Ораниенбаума была названа Любимовской (ныне ул. Рубакина). Происходил род Любимовых из Тамбовской губернии⁸⁹. Окончив в Петербурге в 1878 г. семи-

---

⁸⁹ Попов И.В. Ораниенбаумский пастырь – протоиерей Гавриил Любимов // С.-Петербургские епархиальные ведомости. 1995. № 14. С. 90–96.

нарию и в 1882 г. Духовную Академию, по первому разряду со степенью кандидата богословия, Дмитрий Гаврилович не сразу принял священный сан. 23 марта 1882 г. он был послан псаломщиком в Никольскую церковь при Российском посольстве в Штутгарте (Германия), где священником служил его старший брат Сергей, ставший затем настоятелем русского Никольского собора в Ницце (Франция).

Прослужив два года в Штутгарте, Д. Любимов возвратился в Ораниенбаум и 11 сентября 1884 г. определился преподавателем латинского языка в Ростовское Димитриевское Духовное училище. Через полтора года молодой учитель вступил в брак с дочерью потомственного почетного гражданина Агриппиной Ивановной Чистяковой. У них родилось четверо детей: дочери Вера (7 апреля 1888 г.), Анна (12 ноября 1891 г.) и Надежда (23 июня 1896 г.), а также сын Гавриил (8 октября 1893 г.). Однако трое младших детей, вероятно, умерли в младенчестве.

6 мая 1886 г. Д. Любимов был рукоположен во иерея в петербургском Исаакиевском соборе архиепископом Казанским и Свияжским Палладием (Раевым) и по прошению отца получил назначение в дворцовую Пантелеимоновскую церковь Ораниенбаума. Одновременно с 30 мая 1886 г. он работал законоучителем Ораниенбаумского городского училища. 5 сентября 1895 г. священник сменил своего отца на должности настоятеля главного храма Ораниенбаума – церкви св. Архангела Михаила. 16 августа 1898 г. о. Дмитрий участвовал в освящении последнего «детища» прот. г. Любимова – построенной в Ораниенбаумском Градском лесу церкви во имя Божией Матери «Всех скорбящих Радосте». 12 сентября 1898 г. о. Дмитрия перевели третьим священником в петербургскую Покровскую церковь, церковь в Большой Коломне, в которой он за три десятилетия последующего служения снискал большую любовь, авторитет у своих прихожан и получил многочисленные церковные награды. 14 мая 1903 г. о. Д. Любимов был возведен в сан протоиерея, 6 мая 1913 г. награжден палицей, а с 14 октября 1915 г. служил помощником благочинного IV округа Петрограда⁹⁰.

Лично знавший Владыку Дмитрия церковный писатель А. Краснов-Левитин писал о нем: «До революции он был энергичным, деятельным пастырем, одним из руководителей Общества трезвости. В 1914 г. его постигло первое серьезное испытание: его единственная дочь, учившаяся в немецкой школе “Annenschule” вышла замуж за немецкого офицера и уехала с ним в Германию, а через несколько месяцев разразилась война. Отец с дочерью были разлучены навсегда. После революции, в голодные годы, от тифа умерла его жена. Отец Дмитрий стал еще духовнее, еще преданнее Богу, еще молитвеннее. Во время обновленческого раскола он хранил непоколебимую преданность Церкви. Надо сказать, что Покровский храм имел особое значение в духовной жизни Питера. Причт этого храма отличался просвещенностью и энергией. Настоятелем был известный питерский протоиерей о. Василий Акимов – магистр богословия, окончивший, кроме Духовной Академии, университет. В прошлом – законоучитель созданной Победоносцевым образцовой Свято-Владимирской Духовной гимназии на Забалканском проспекте, пользовавшийся любовью своих учениц. Великолепный администратор и народный деятель. Вторым священником был популярнейший питерский протоиерей отец Николай Чепурин, высококультурный человек, биолог, получивший образование в Оксфорде, впоследствии окончивший Духовную Академию. Отец Дмитрий был третьим священником этого храма. Окончив в свое время Петербургскую Академию по 1-му разряду, о. Дмитрий был, пожалуй, популярен еще более, чем два его сослужителя, благодаря своей молитвенной ревности»⁹¹.

---

⁹⁰ РГИА, ф. 805, оп. 1, д. 1540, л. 9-17; Туренский И.Д. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, что в Большой Коломне, в Санкт-Петербурге. СПб., 1912. С. 214–216; Антонов В.В. Священномученик архиепископ Дмитрий и его сподвижники // Возвращение. 1999. № 12–13. С. 43–45.

⁹¹ Краснов-Левитин А. Лихие годы 1925–1941. Париж, 1977. С. 102.

Впервые с советскими органами власти о. Д. Любимову пришлось столкнуться в 1919 г. 16 марта на общеприходском собрании он был избран в число 42 человек, уполномоченных подписать договор о принятии богослужебного имущества и здания церкви в «бесплатное и бессрочное пользование». Однако этот список не устроил отдел юстиции Петросовета, и по его требованию 30 ноября на новом собрании был избран приходской совет из 14 человек, в который снова вошел о. Димитрий. 13 декабря протоиерей в числе других членов совета подписал договор с представителем отдела юстиции⁹².

Гораздо более серьезные потрясения произошли в 1922 г. 24 апреля о. Димитрию пришлось присутствовать на изъятии из Покровской церкви ценностей, а вскоре был арестован настоятель храма прот. В. Акимов (6 июля его приговорили к 3 годам заключения). 10 июля о. Димитрий на общеприходском собрании был избран председателем приходского совета и исполняющим обязанности настоятеля.

Одной из первых проблем, которую пришлось решать батюшке в качестве настоятеля, был введенный властями контроль за произнесением проповедей. С июля 1922 г. требовалось заранее подавать заявления о разрешении их произнесения. Протоиереи Д. Любимов и Н. Чепурин попытались бороться против такого порядка и 31 августа подали заявление в совет Центрального городского района: «Ввиду того, что проповедь, посвященная наставлению в вере и христианской нравственности, составляет неотъемлемую часть богослужения, без чего богослужение это оказывается неполным и лишенным значительной части своего смысла и наставления... Покровский причт просит совет ЦГР, в отмену ограничения его богослужебно-проповеднических прав, сделанных б. 2-м городским районом, разрешить ему постоянное беспрепятственное ведение духовных бесед за богослужениями в своем храме на общем, по законам РСФСР, основании». Со временем, хотя и не сразу, такое разрешение было получено⁹³.

Другой важнейшей проблемой являлась борьба с обновленцами, создавшими вскоре после ареста митр. Вениамина свое Епархиальное управление. Отец Димитрий отказался признать его власть и вошел в число основателей так называемой Петроградской автокефалии, которая в условиях отсутствия канонической власти в Русской Церкви самостоятельно боролась с обновленчеством. 26 августа авторитетная группа верующих подала в Петроградский губисполком заявление о регистрации «Православной Кафолической Церкви» г. Петрограда, а 1 сентября представила проект ее устава⁹⁴. Однако власти не только не зарегистрировали новую организацию, но и попытались покончить с ней путем репрессий.

Летом 1922 г. о. Д. Любимов сблизился с группой священнослужителей и активных мирян города, собиравшихся на квартирах и обсуждавших вопросы борьбы с обновленцами и создания Петроградской автокефалии. Неосторожность и простодушие настоятеля Введенского храма о. Димитрия Кратирова имели для членов этой группы печальные последствия. 6 августа 1922 г. имевший коммунистические убеждения инженер-строитель Г.П. Снежков пришел во Введенскую церковь и обратился к настоятелю с просьбой отслужить молебен для больной жены. 19 августа после молебна священника угостили чаем. Не представляя, с кем имеет дело, о. Димитрий неправильно оценил молчаливое внимание хозяина и поделился с ним своими мыслями. На следующий день Снежков написал в ГПУ донос на священника: «Он после молебна за чаем развил агитацию, что бороться необходимо с советской властью путем организовавания в подпольную организацию попов и прихожан – для свержения существующего государственного строя. Он заявил, что это уже воплощено в жизнь, и что подобного рода организация существует, и что она держится на строгой конспирации. Но что некоторые

---

⁹² ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 254, лл. 13, 21–25.

⁹³ Там же, лл. 48, 59, 62, 112.

⁹⁴ Там же, ф. 1001, оп. 7, д. 22, лл. 3–3 об.

члены этой организации, не имея выдержки, выступили отдельно и уже высланы. Считаю, что этот гражданин, как вредный элемент, должен быть изъят из общества, которое нуждается в покое после гражданской войны и в мирном строительстве. Я его не считаю нужным скрывать от ГПУ и делаю это с полным сознанием своего гражданского долга перед народами РСФСР, и желал бы быть обвинителем на суде этих церковников».

Заявление Снежкова попало на благоприятную почву. В ГПУ как раз искали повод для разгрома зарождавшегося в Петроградской епархии движения сопротивления обновленцам. 5 сентября 1922 г. арестовали священника Д. Кратирова и в тот же день прот. Д. Любимова и еще 20 священников и мирян. Как выяснилось, о. Д. Кратиров Снежкова и его семью совершенно не знал и после молебна задержался не более чем на 10–15 минут. И по его словам, «никаких особых разговоров у нас там не было». На вопрос следователя, не говорил ли он там о существовании какой-либо подпольной организации, священник ответил: «Ни о какой подпольной организации и помина не было. И вообще, по моему личному мнению, таковой, в особенности среди церковников, и быть не может»⁹⁵.

Так же стойко вел себя и о. Д. Любимов. Протокол его единственного допроса от 6 сентября 1922 г. составлен в форме вопросов и ответов. На вопрос следователя, что протоиерею известно «о подпольной организации духовенства в Петрограде», батюшка заявил, что ни в каких организациях не состоит, об их существовании ему ничего не известно, и он полагает, что таковых вообще нет; при Покровском храме никакой самостоятельной организации также не существует, разве что церковный совет. Далее «диалог» продолжался следующим образом:

– Известно ли вам что-либо о существовании в Петрограде так называемого комитета помощи пострадавшему при изъятии церковных ценностей духовенству?

– О существовании такового мне ничего не известно, но частным образом мне известно, что в нашем приходе жертвовали прихожане на уплату судебных издержек по приговору суда над бывшим настоятелем нашей церкви Акимовым, который осужден трибуналом на три года, но как производился этот сбор и куда что отдавалось, я хорошо не припомню.

– Знаете ли вы лично священника Пищулина?

– Фамилию слышал, но где служит, я лично не знаю. И еще раз добавляю, о существовании каких-либо организаций в Петрограде мне ничего не известно. Кроме того, добавляю, что мы, группа духовенства, количества точно не знаю, подавали заявление в Петрогубисполком об оставлении нас независимыми от «Живой церкви», ибо последнюю мы считаем неправославной и пастырей ее незаконными. Но я полагаю, что эта группа есть официальная⁹⁶.

В тот же день было вынесено официальное постановление о заключении о. Димитрия под стражу. Расследование оказалось недолгим и весьма поверхностным. Уже 13 сентября было составлено обвинительное заключение на 22 человека, которых обвинили в «антисоветской деятельности в рамках религиозного объединения». В этом документе говорилось о необходимости высылки арестованных лиц, «стоящих на особом учете как неблагонадежных в политическом отношении... для пресечения дальнейшей антисоветской деятельности». 14 сентября Петроградский губернский отдел ГПУ постановил в отношении трех лиц дело продолжить, а остальных 19 выслать на три года в различные отдаленные губернии, в том числе о. Д. Любимова – в Уральскую⁹⁷.

26 сентября осужденные были высланы из Петрограда, и в тот же день помощник начальника 6-го отделения секретного отдела ГПУ Чепурин в своем «Заключении» написал, что, «просмотрев следственные материалы и обвинительное заключение Петроградского губотдела ГПУ, по сему делу нашел: гражданин Любимов Д.Г... настроены против обновленческого

---

⁹⁵ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. – след. дел, д. П-89251, лл. 1-21.

⁹⁶ Там же, л. 114.

⁹⁷ Там же, лл. 194–196.

движения. На основании этого Петроградским губотделом ГПУ означенные лица как крайне неблагонадежные в политическом отношении 26 сентября с.г. были высланы из Петроградской губ. на три года каждый. Пищулин В.Ф., Казакевич Е.М., Пичугин П.Т., Никитин А.Н., Венустов В.А. – в Двинскую губ., Любимов Д.Г., Бальков П.П., Боголюбов Н.В., Устименко Ф.П., Тихомиров А.Н. – в Уральскую губ., Никольский А.П., Черняева Т.М., Курляндский А.Ф., Покровский В.А. – в Тюменскую губ., Афанасьев В.П., Гидаспов Д.Ф., Сербаринов Г.А., Вознесенский С.А., – в Оренбургскую губ.

А потому, принимая во внимание вышеизложенное, полагал бы высылку означенных выше лиц санкционировать, дело о них следствием прекратить и сдать в архив Петроградского губотдела ГПУ.

...Дело возникло на основании письма инженера Снежкова, который заявил, что он из беседы с одним попом Кратировым узнал, что петроградское духовенство для борьбы с советской властью организуется в нелегальные группы, члены которых для разрешения вопросов антисоветского характера собираются на конспиративных квартирах. Дальнейшим следствием факт нелегальных собраний означенных выше лиц установлен. Установлен также факт распространения ими ложных слухов, что якобы Соввласть печатает статьи в “Правде” и других органах о том, что, кто не признает “Живую церковь”, тот идет против власти и прочее, чем возмущали народ и создавали в нем настроение против обновленческого движения»⁹⁸

---

⁹⁸ Там же, лл. 238–241.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.